

ПЕНУЖНАЯ
ЖЕНА ДРАКОНА.
ИГРА НА РАЗВОД

Александр Витальев

Ненужная жена дракона. Игра на развод

<https://litres.ru/74133479>

SelfPub; 2026

Аннотация

Варден Арт, драконий лорд, поставил меня в известность о разводе за ужином с моей соперницей на коленях. Но родовой договор сделал виноватой меня, и теперь я обязана вернуться в его дом и шесть лун изображать послушную жену, иначе отступные сторят в печати. Я согласилась — потому что впервые за четыре года у меня есть план, который он не прочитает. Мне нужно пережить советы, его новую невесту, общий быт и его взгляды в мою сторону, собрать улики против него и выйти из брака победительницей. Вопрос только в том, чего мне будет стоить каждая ночь под одной крышей с тем, кого я уже почти разлюбила — и кто, кажется, наконец начал за мной возвращаться.

Содержание

Глава 1. Письмо на столе	4
Глава 2. Печать на ладони	21
Глава 3. Печать на ладони	42
Глава 4. Общий обед	61
Глава 5. Сломанная дверь	81
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Александр Витальев

Ненужная жена дракона. Игра на развод

Глава 1. Письмо на столе

Свеча оплыла до самого ложа, и воск залил подсвечник, а я все сидела за столом и смотрела на письмо. Конверт лежал передо мной, бумага была тяжелая, с печатью рода Арт — оттиск драконьей чешуи в красном сургуче, запах железа и старой крови, который я теперь запомню навсегда. Я провела пальцем по печати, не вскрывая. Утром конверт принес Рос, мокрый от снега, молча положил на край, и я убрала его под локоть, пока варила отвар для кухарки, у которой третий день не отходило молоко.

За стеной кто-то из слуг пытался не шуметь, и это было хуже любого шума. Я слышала, как Эльна отдавала тихие указания, как двигали стулья в малой столовой, как ставили третий прибор, и голос Марвена Кая, ровный, как наждак по стеклу: «К ужину ждут только своих». Своих. Я мысленно повторила это слово, и оно встало в горле, как кость.

Я сломала печать большим пальцем, вынула лист, развернула. Почерк Вардена я знала лучше, чем свой, эти крючки

на «д» и длинный хвост у «т» я за три года выучила наизусть. «Жене моей, Тавии Эр-Ларт. Советом рода и моей волей решено: по истечении шести лун с сего дня брак считать расторгнутым по вине супруги. До той поры жене оставаться в замке под условиями договора, за нарушение — лишение доли и передача дела гильдии». Я перечитала дважды, хотя и с первого раза все поняла. Вина супруги. Шесть лун. Замок. Клетка, обшитая бархатом и золотом, с дверью, которая не открывается изнутри.

На столе рядом с письмом лежали мои счета за лавку в Нижнем городе. Я зачеркнула итог, потом добавила столбец для новых трав, которые заказала у Арта месяц назад. Лавка — моя, не Артов, и я туда вернусь. У меня там прием с утра, кухарка ждет, я обещала.

Я собрала саквояж: темные склянки с настойками, бинты, серебряный зажим для кровеносных сосудов, тетрадь с записями по акушерству, квитанция за право приема. У двери остановилась и надела поверх платья шерстяной дорожный плащ, подбитый мехом, который купила за свои деньги. Ключ от лавки висел на шнурке под рубашкой, и я почувствовала его холод на ключице.

У ворот внутреннего двора я столкнулась с Росом. Он стоял, поставив одну ногу на каменный бортик, и курил короткую трубку, от которой пахло полынью, а не привычным табаком.

— Куда собралась? — спросил он, не вынимая трубки.

— Домой. К себе.

Рос вынул трубку, посмотрел на меня так, будто я сказала, что собралась на луну пешком.

— Мост закрыт. У него перо от совета. Пока не подпишет — никого не выпустят, даже кур с корзинками.

Я почувствовала, как жжет красная нить на запястье. Тонко, на грани кожи, там, где рукав не закрывает. Тянуло к Вардену. Он был сейчас где-то в доме, рядом, и думал обо мне, и хотел, чтобы я осталась, и печать послушно передала это «хотел» моей коже.

— Подпись на что? — спросила я.

— На пропуск через мост. По брачному договору. Пункт седьмой, — Рос почесал переносицу. — Запрет переправы без письменного разрешения мужа или печати совета. Пока ты в доме, ты записана в реестр замка.

Я вернулась в свою половину через кухонный ход, чтобы не идти через зал. Эльна встретила меня у лестницы и посмотрела на саквояж, потом на мое лицо.

— Ты уезжала?

— Пыталась.

Эльна поджала губы, ничего не сказала, поставила передо мной кружку с горячей водой и ушла. Кружка была тонкая, без ручки, и я держала ее обеими руками, пока вода не остыла. Дальше по коридору кто-то откровенно смеялся — низкий смех Вардена, и я знала, что там Инея Соль, потому что этот смех я слышала только рядом с ней.

Я села за стол, вытащила свою рабочую тетрадь, открыла на странице закупок и вписала последним пунктом: «купить в Нижнем городе скамью и замок для кабинета». Рука не дрожала. Письмо с печатью лежало рядом, и мне оставалось одно — дожидаться ужина, за которым Варден объявит о разводе при всех.

Я не стала дожидаться ужина в кресле. Если уж меня выставляют на позор, то к этому я приду на своих ногах и со своим лицом, а не с красными глазами от слез, которых никто не увидит. Я закатала рукава, нашла в шкафу старую рабочую блузу, ту, в которой принимала роды у жены кузнеца, и сняла с пальца кольцо с гербом Арта. Оно лежало на столе рядом с письмом, маленькое, тяжелое, и я прикрыла его ладонью, будто оно могло меня обжечь сильнее нити на запястье.

В подвальной аптечной пахло сушеной мятой и сырой штукатуркой. Эльна оставила мне ключ на гвозде у двери без записки, и я поняла, что она знала, что я приду сюда первая. Маленькая комната, низкий потолок, три пустые полки, каменный пол с выбоинами от котлов. Стол я нашла в чулане для свечного воска, скамью выпросила у Роса через Эльну, замок на дверь мне одолжил кто-то из кухонных, не спрашивая, на сколько дней. Вода была только холодная, и я поставила чайник на жаровню с углем, которую разожгла сама, потому что звать слугу было выше моих сил.

Ко мне привели кухаркину дочку, Тори, пятнадцатилет-

нюю девочку с обожженными пальцами и круглыми глазами. У нее на предплечье вздулся старый ожог, который никто толком не лечил, только мазали медом и заматывали тряпкой. Я велела ей сесть на скамью, размотала повязку и промолчала, потому что грязь под бинтом была такая, что у меня самой перехватило горло.

— Кто тебя так? — спросила я, хотя видела ожог от скоророды и знала ответ.

— Не помню, — пробормотала Тори.

— Врешь. Сними рубашку выше, мне нужно посмотреть, нет ли гноя в лимфе.

Она послушалась, и я занялась работой. Ножницами срезала мертвую кожу, промыла рану отваром коры, который у меня всегда стоял в темной склянке, наложила мазь на оленьем жире с воском и каплей масла лаванды. Тори шипела сквозь зубы, но не плакала, и я подумала, что из нее выйдет толк, если она переживет эту зиму.

Снаружи слышались шаги, медленные, тяжелые, и я узнала бы их из тысячи. Варден вошел, не постучав, заполнил собой узкую дверь, остановился у порога, чтобы не мешать мне работать. На нем была та домашняя рубашка с растянутым воротом, в которой он обычно пил вино с Инеей. Соль у камина, и от нее пахло чужими духами, сладкими, приторными, как цветы, которые вянут в закрытой комнате.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Я не подняла головы от руки Тори. Продолжала накла-

дывать мазь ровным слоем, потому что останавливаться из-за его появления было бы предательством по отношению к больной девочке.

— Лечу твою прислугу, — сказала я. — Если ты еще помнишь, что у тебя есть прислуга.

Тори дернулась, я придержала ее запястье и почувствовала, как нить на моем запястье обвилась туго, горячо, потянуло к нему. Он был в двух шагах, и печать послушно передавала мне его присутствие, его пульс, его плохо скрываемое раздражение. Я работала и старалась дышать ровнее.

— Я не разрешал тебе устраивать здесь лечебницу, — сказал Варден. Голос у него был тот самый, деловой, которым он отдавал приказы слугам и который звучал почти нежно от того, как он старался его смягчить.

Я подняла голову и встретила его взгляд спокойно, как смотрят на хозяина дома, в котором тебе больше нечего терять.

— Твоя мать дала мне шесть лун, чтобы я доказала свою полезность этому дому, — сказала я. — Я доказываю. Сядь, если хочешь смотреть, но не мешай.

Он не сел. Подошел ближе, наклонился, посмотрел на рану Тори, и я увидела, как у него дрогнуло веко. Он не выносил вида крови, этот драконий лорд, который мог сжечь деревню и не моргнуть, а от чистой раны бледнел.

— Это с кухни, — сказал он. — Я поговорю с Марвеном.

— Поговори, — сказала я. — И попроси его принести сю-

да аптекарскую книгу замка. Я хочу посмотреть, на что вы тратите мои деньги на лекарства для слуг.

Он выпрямился, и я заметила, что он смотрит на мою руку, на которой не было кольца. Нить на его запястье, видимая только нам двоим, натянулась, как поводок. Я отвернулась, продолжила работу, и Варден постоял еще минуту, а потом вышел, не сказав ни слова о письме, которое лежало у меня наверху.

Я перевязала Тори, объяснила ей, как менять повязку и когда прийти снова, и отпустила. Девочка ушла, прижимая руку к груди, а я села на скамью и поняла, что у меня дрожат пальцы. От холода, сказала я себе, от холода и от запаха чужих духов, который еще держался в комнате.

Через час пришла Эльна с аптекарской книгой под мышкой и замком в руке, потому что первый я плохо закрыла. Я забрала у нее ключ, открыла книгу на странице расходов и сразу увидела то, что искала. Закупка трав для замка шла через поставщика Вересов, цены стояли завышенные, а многие позиции были записаны как доставленные, хотя в ящиках на полке лежало что-то совершенно другое, сухое, серое, с запахом старой пыли. Я переписала себе в тетрадь названия трав и даты, зачеркнула итог и приписала сбоку: «подмена, проверить у брата Ойрена, печать поставщика».

Это была моя первая улика, и я положила ее под подкладку тетради, рядом с письмом о разводе. Ужин со смехом Вардена и Инеи Соль ждал меня наверху, и я знала, что выдержу

его, потому что у меня теперь была работа и была запись.

Он ждал меня у лестницы.

Не у двери в столовую, где это выглядело бы почти прилично, а именно у нижней ступени, в полутемном углу между двумя узкими окнами, где каменная кладка пахла сыростью и старой известью. Стоял, опираясь плечом о стену, руки скрещены на груди, пальцы левой руки выстукивали по локтю какой-то нервный, незнакомый мне ритм. Свеча в нише горела неровно, тянулась к нему, и лицо у него было наполовину злым, наполовину усталым, и обе половины он прятал одинаково хорошо.

— Ты не за ужином, — сказал он. Не спросил. Утвердил.

Я остановилась в трех шагах, саквояж в руке, ключ от аптечной в кармане, под платьем тихо шуршала тетрадь с записью о подмене трав. От него снова пахло чужими духами, но я уже научилась дышать через это.

— Я лечила Тори, — ответила я ровно. — Ожог гноился неделю. Кухарка мне потом расскажет, как ты на это смотрел.

Что-то мелькнуло у него в глазах, и я не успела понять что, потому что он уже шагнул ко мне, коротким, злым, нетерпеливым шагом, каким он всегда делал, когда хотел напугать. Я не отступила. Нить на запястье сжалась горячо и больно, как будто кто-то накручивал ее на палец. У него на запястье, я знала, было то же самое.

— Ты снимешь это кольцо, — сказал он, глядя на мою

руку, — и завтра наденешь обратно. Мать будет смотреть.

— Мать, — повторила я, — будет смотреть.

Я вынула кольцо из кармана, то самое, которое утром положила рядом с письмом, и раскрыла ладонь. Оно лежало у меня на пальцах маленькое, тяжелое, темное от его тепла. Я держала его так, чтобы он видел, и не торопилась.

— Тогда пусть смотрит, как я его тебе возвращаю.

Я протянула руку. Он не взял. Смотрел на кольцо, на мою руку без кольца, на тонкий красный след нити выше запястья, и я впервые видела на его лице выражение, которого не могла прочесть. Не злость. Не приказ. Что-то, для чего у меня не было готового слова, и от этого я разозлилась сильнее, чем от его духов.

— Возьми, — сказала я. — Это имущество рода. Я возвращаю имущество.

Он не шевельнулся. Тогда я шагнула к нему сама, быстро, пока не успела передумать, взяла его левую руку, ту, которая только что выстукивала ритм по локтю, и сама положила кольцо ему на ладонь. Пальцы у него были холодные, и я почувствовала, как нить под моими пальцами дрогнула и потянулась, и на секунду мне показалось, что я держу не его руку, а его сердце, голое и неуместное, как монета на дне сточной канавы.

Я разжала пальцы. Он не сжал их обратно. Кольцо осталось лежать у него на ладони, тусклое, без меня.

— Ужин через десять минут, — сказал он тихо. — Инесса

будет ждать.

— Инесса, — повторила я снова и отступила. — Пусть ждет. Я уже поела. Хлеб, масло, отвар коры. Вкуснее, чем ваши пирожки.

Он смотрел, как я поднимаюсь по лестнице, и я знала, что он не уйдет первым, потому что он не мог уйти первым, потому что в этом доме он всегда считал себя тем, кто провожает взглядом, а не тем, кого провожают. Уже на третьей ступени я остановилась, не оборачиваясь.

— Варден, — сказала я в темноту лестницы. — Если ты еще раз войдешь ко мне в аптечную без стука, я закрою дверь на ключ и не впущу. Дверь. На ключ. Мой.

Тишина внизу была очень короткой, но очень плотной.

— Ключ мой, — повторила я, уже громче, и пошла дальше.

Наверху я заперла дверь, скинула саквояж на скамью и долго сидела на кровати, не раздеваясь. За стеной слышались голоса, смех Инеи Соль, звяканье приборов, шаги Марвена. Потом открылась дверь в столовую, и до дрожи отчетливо, как бывает слышно через старые камни, Варден сел на свое место, что-то негромко сказал, Инесса ответила чужим, слишком мягким голосом, кто-то из советниц засмеялся. Нить на моем запястье была теплой. Не горячее. Не холодной. Теплой, как ладонь, которая секунду назад лежала в моей.

Я стянула с запястья тонкую полоску ткани, которой за-

крывала след, посмотрела на красную полосу, тонкую, как нитка из бабушкиной прялки, и подумала, что эта нить знает про нас больше, чем мы сами. Потом замотала рукавом, положила тетрадь под подушку и легла. Сон не шел.

Я считала удары сердца и думала о лавке.

Лавка стоит за мостом, через два поворота вниз, у самой воды, где утром пахнет рыбой, углем и влажным деревом от причала. Там мои полки, мои склянки, мои записи по сортам, там же мой станок для резки корней, который я собрала сама из двух старых столярных тисков. Там я сама себе хозяйка и сама себе цена. Там никто не приведет чужую женщину к моему столу и не скажет, что теперь будет так.

Через час я не выдержала, встала, натянула платье, сунула ноги в башмаки, накинула на голову серый платок, под которым меня не узнать даже при свече, и тихо вышла из комнаты. Коридор был пуст, факелы на стенах догорели до жидкого оранжевого света, каменный пол охлаждал ступни. Я спустилась по черной лестнице, по которой ходили только слуги, миновала кухню, где на плите еще стоял горшок с кашей, и через заднюю дверь вышла во двор.

Снег валил густой, мокрый, ложился на камни и тут же таял, превращаясь в тонкую пленку воды. От холода защипало в носу, но я шла быстро, низко опустив голову. Мост был в двух шагах. За мостом Нижний город, мост, моя лавка, моя жизнь.

У моста горел фонарь, и под ним стояли двое стражников

в плащах с гербом Арт. Я знала обоих, одного звали Брэн, второй был моложе, с рыжей щетиной, имени я не помнила. Они меня узнали тоже, и лицо у Брэна стало таким, каким бывает у людей, которым велели сделать то, чего они делать не хотят.

— Леди Тавия, — сказал он. — Куда?

— К себе, — ответила я. — В лавку. У меня там ночная смена, нужно принять роды у соседки.

— Не велено, — сказал Брэн и от этого слова стал еще более несчастным. — Лорд Варден приказал никого из дома не выпускать до утра. Без письменного разрешения.

— Я не из дома, — сказала я. — Я иду в Нижний город.

— Дом — это дом, — ответил он. — Вы в его стенах. Простите, леди.

Я стояла под мокрым снегом, смотрела на кованый герб на его плаще и чувствовала, как внутри меня медленно, тяжело, как якорь, опускается что-то холодное. Не страх. Понимание.

Это была не охрана. Это была клетка.

Я развернулась и пошла обратно, не сказав больше ни слова. В кухне я налила себе кипятку из котла, заварила горький отвар коры, который пахнет мокрой корой и железом, села на лавку возле двери и стала пить маленькими глотками, глядя в темный двор.

Утро пришло рано, серое, как нестиранная ткань. Я спустилась в кухню, пока там еще воняло углем и сырым те-

стом, поставила на плиту маленький котелок и насыпала в него толченый корень ладанки для дыхания. Это было для меня, не для дома. Рукам нужно было что-то делать, иначе они начали бы трястись.

Кухарка, широкая Марта, посмотрела на меня так, будто я вошла к ней через дымоход.

— Леди, — сказала она, — вы что тут делаете?

— Варю лекарство, — ответила я. — Сама себе. Не переживайте, ваш суп не трону.

Она фыркнула, но не выгнала. Марта меня не любила, но уважала, потому что я два года назад вытащила ее племянницу из лихорадки, когда весь замок считал, что девочка уже не встанет. Я помешала отвар, сняла пробу на язык — горечь была правильная, с дымной ноткой, — перелила в глиняную чашку и выпила, обжигаясь.

В этот момент в кухню вошел Марвен Кай. Без стука, как всегда, с папкой бумаг под мышкой, в своем вечном сером сюртуке, от которого пахло сургучом и чернилами. Он остановился, увидел меня, и его лицо сделалось тем особым казенным выражением, которое у него означало удивление.

— Леди Тавия, — сказал он. — Вы встали рано.

— У меня дела, Марвен, — ответила я, не оборачиваясь. — Мне нужно письменное разрешение лорда Вардена на переправу через мост. Сегодня.

— На переправу? — переспросил он, и я услышала, как в его голосе шевельнулась охранительная нота. — Зачем?

— У меня в лавке ночью женщина рожала, я должна посмотреть мать и ребенка. Если вы хотите, чтобы род Арт получил донос от гильдии о том, что их бывшая лекарка бросила роженицу в крови, я могу остаться здесь и пить ваш чай.

Марвен промолчал. Потом поджал губы, как делал всегда, когда понимал, что проиграл по форме, но не по существу.

— Лорд Варден еще не встал, — сказал он.

— Значит, разбудите, — ответила я и пошла к нему в кабинет, не дожидаясь разрешения. Марвен засеменил следом, бумаги в его руках недовольно шелестели.

Кабинет Вардена пах кожей, холодным деревом и чужими духами, которые въелись в обивку кресла. Я села в кресло для посетителей, закинула ногу на ногу и стала ждать. Марвен топтался у двери, не зная, уйти ему или остаться.

— Оставайтесь, — сказала я. — Вы будете свидетелем. Когда лорд Варден соизволит спуститься и подписать разрешение, вы это увидите своими глазами и потом не сможете сказать, что бумаги не было.

Он сглотнул и остался.

Варден пришел через четверть часа, уже одетый, с влажными после умывания волосами, от которых пахло мятной водой. На щеке у него белела полоска от подушки, и я подумала, что эта полоска делает его почти человеческим, почти моим, почти тем, за кого я когда-то выходила. Почти. Он вошел, увидел меня в своем кресле для гостей, и его глаза сузились.

— Тавия, — сказал он. — Что ты здесь делаешь?

— Прошу разрешения, — ответила я, не вставая. — Письменного, с твоей печатью. На переправу через мост в Нижний город. Сегодня.

Он подошел к столу, не садясь, оперся ладонями о столешницу и посмотрел на меня сверху вниз.

— Зачем? — спросил он.

Писец поднял перо. — У меня роженица и больной с лихорадкой. Я им обещала вернуться. Если я не вернусь, гильдия спросит, почему. Я не хочу, чтобы роду Арт пришлось объяснять гильдии, почему их бывшая хозяйка бросила двух человек умирать.

— Ты могла бы послать ученицу, — сказал он.

Радан не перебил. — У меня нет ученицы, которую я могу послать. У меня есть только я.

Варден молчал. Я видела, как за его спиной Марвен переминается с ноги на ногу, и знала, что сейчас в кабинете происходит то, что потом разнесут по всему дому: бывшая жена требует, муж молчит, управляющий не знает, куда встать.

— Подпиши, — сказала я тихо. — Или я напишу сама и принесу к гильдии на подпись совету. Тогда совету придется объяснять, почему лорд не подписал разрешение целительнице на переправу.

Он стиснул челюсть. Потом открыл ящик стола, достал лист, обмакнул перо и написал две строки, без даты, без имени, без печати. Я смотрела, как чернила впитываются в бу-

магу, и понимала, что это не разрешение, это отказ, замаскированный под уступку.

— Печать, — сказала я.

Варден поднял на меня глаза. В них было что-то такое, от чего у меня по спине прошел холод, не страх, а узнавание.

— Ты невыносима, — сказал он.

— Это не печать, — ответила я. — Это бумажка, которую твоя стража порвет на мосту. Мне нужна твоя печать, Варден. Красная, внизу. Та, которую нельзя подделать.

Он долго молчал. Потом достал из ящика личную печать, поднес к свече, капнул сургуча на бумагу и прижал металл. Я услышала мягкий хруст, и по кабинету пошел запах горячей смолы и можжевельника. Он подвинул лист ко мне через стол.

— К полудню вернешься, — сказал он.

— Я вернусь, когда приму больных, — ответила я, взяла бумагу и встала.

У двери я остановилась, не оборачиваясь.

— Варден, — сказала я. — Это первый раз, когда ты сделал для меня то, о чем я попросила. Не привыкай.

Я вышла из кабинета, и за моей спиной повисла очень ровная, очень тяжелая тишина.

В коридоре я развернула бумагу, проверила пальцем сургуч, убедилась, что он настоящий, и только тогда позволила себе один длинный выдох. Потом я пошла к себе, надела плащ, взяла саквояж и спустилась во двор. У моста Брэн по-

смотрел на бумагу, на печать, на меня и молча поднял руку, пропуская.

За мостом пахло рыбой, углем и талым снегом. Я шла к своей лавке, и впервые за двое суток мои руки не дрожали.

Глава 2. Печать на ладони

Утром дверь аптечной комнаты была заперта.

Не ключом — навесным замком, здоровенным, медным, с клеймом ключницы. К кольцу прицепили бирку из толстой бумаги, чернила на ней были свежие, жирные. Я поднесла свечу ближе и прочитала ровным почерком: «По указу совета рода. До особого распоряжения. Ключ у старшего управляющего». Ниже, мельче: «Печать приложена».

Я повесила саквояж на гвоздь у двери и постучала — для порядка. Тишина. Дверь была тяжелой, дубовой, пахла мастикой и старым деревом. За ней лежали мои записи, сухие травы, которые я сушила сама, каменные ступки и котел мази, который я варила для кухонных девчонок. Три года работы. Теперь это имущество рода, к которому меня не подпускают.

Я спустилась по лестнице в кухонный двор. Снег к утру подтаял, под ногами было мокро и скользко. У коновязи стоял Рос, вытирал руки пучком соломы, и я прямо спросила:

— Где Марвен Кай?

— У совета, — он не отвел глаз. — Слышал, до полудня не выйдут.

— Мне нужен ключ.

— Тогда жди полудня.

Я положила ладонь на перила. Они были холодные, лип-

кие от ночной изморози. Я считала про себя до десяти, чтобы голос звучал ровно.

— Рос. Мне нужен этот ключ до того, как совет разойдется по спальням.

Он хмыкнул, кивнул на дверь черного хода и сказал:

— Иди через хозяйственную. Там тебя пропустят.

Через хозяйственную меня действительно пропустили — дежурный стражник сделал шаг в сторону и опустил глаза. Он был из новых, северных, ему было все равно, кто такая бывшая жена лорда. Я поднялась на второй этаж мимо кладовой и вышла к кабинету Марвена. Дверь была закрыта. У порога, на скамье, сидел мальчишка-посыльный и вырезал из дерева лошадку. Он увидел меня и вскочил.

— Мне нужен Марвен Кай, — сказала я.

— Они на совете, — мальчишка шмыгнул носом. — Леди Инесса строго-настрого.

Я достала из-за пояса запечатанный конверт, который принес Каэл на рассвете. Письмо от поверенного с приложенной копией брачного договора. Я помахала конвертом перед носом мальчишки.

— Отнеси это в зал. Прямо сейчас. Марвену Каю, лично в руки. И скажи, что меня ждут у аптечной. Если он не спустится через десять минут, я поеду в Нижний город без разрешения.

Мальчишка исчез. Я пошла обратно во двор. Снег под ногами уже хрустел, утро становилось резким, светлым. Из кух-

ни тянуло хлебом и дымом. У крыльца стоял Варден Арт.

Он стоял в теплом полушубке, без перчаток, руки висели вдоль тела. На скулах лежал светлый пух. Он смотрел на меня так, будто я была фонарем, который он забыл выключить в чужой комнате.

— Доброе утро, — сказала я.

— Куда собралась? — спросил он.

— К аптечной. Забрать записи и травы.

Он не сразу ответил. Я сделала еще два шага к крыльцу и поравнялась с ним. Он был выше, и от него пахло чужим хвостом, собственной кожей и холодным металлом. Никаких духов. Эту маленькую деталь я отметила и тут же забыла.

— Совет наложил печать, — сказал он. — Я не могу открыть без решения.

— Тогда я иду в совет, — ответила я.

Он шевельнул пальцами левой руки. Я поймала его взгляд и заставила себя не отводить глаза. На запястье под рукавом у меня тянуло, тонко, знакомо. Нить стала теплее.

— Тавия, — он произнес мое имя так, как будто пробовал на вкус. — Ты ведешь себя как на базаре.

— А ты ведешь себя как хозяин, — сказала я. — Только я уже не твоя собственность. Письмо лежит на столе. Печать рода стоит под пунктом о шести лунах. Хочешь, чтобы я прочитала его вслух у крыльца?

Он прищурился. На скулах у него выступил румянец.

— Я ничего не подписывал, — сказал он.

— Тогда сними печать, — сказала я.

Я поднялась на крыльцо и прошла мимо него. На полпути к двери он поймал меня за локоть, не больно, но плотно. Я остановилась. Нить дернулась, тонко и жарко.

— Сегодня, — сказал он тихо. — После полудня.

Я повернула голову. Его лицо было близко, и я видела, как у него напряглась челюсть.

— После полудня, — повторила я. — И я иду в аптечную с тобой. Если у двери будет стоять новый замок, я его сниму. Потом вместе с тобой поеду к Марвену. И ты подпишешь мне бумагу на допуск. Ты понял?

Он смотрел на меня сверху вниз. Потом отпустил мой локоть и сделал шаг назад.

— Ты меняешь правила, — сказал он.

— Я их читаю, — ответила я.

Я вошла в дом и плотно прикрыла за собой дверь. По ту сторону хлопнула калитка во двор, и стало ясно, что он ушел к конюшне. На ступенях черного хода показалась Эльна с подносом. Она подняла на меня глаза, и я прочитала в них то, что обычно прячут: маленькую, осторожную надежду.

— Ключ будет в полдень, — сказала я.

Она кивнула и пошла дальше.

Я спустилась в подвал по знакомой лестнице — семь ступеней, потом поворот, еще шесть. Камень здесь всегда был сырым, и я научилась ставить ногу ближе к стене, где плиты лежали плотнее. За поворотом пахло сухой полынью и

старой бумагой. Аптечная комната стояла запертой, как я и оставила ее утром, но теперь к навесному замку добавилась вторая лента — тонкая, красная, с вдавленной печатью рода. Я узнала оттиск. Леди Инесса.

Я положила ладонь на дверь. Корабельная сосна, добротная, под моей рукой она была холодной, но не мертвой. За ней лежали мои ступки, мои травы, котел, который я варила для кухонных девчонок от зимнего лишая. Три года работы, запертые чужим ключом.

— Тавия.

Я обернулась. За спиной стоял Варден Арт, без полушубка, только в серой домашней куртке, и руки у него были заняты. В правой он держал связку ключей, в левой — моток тонкой бечевы. Я посмотрела на ключи. Он перехватил мой взгляд.

— Марвен передал, — сказал он. — Под мою ответственность, до заката.

— А печать? — спросила я.

— Печать остается, — ответил он. — Это не обсуждается.

Я вышла из-за двери и встала так, чтобы между нами оказалась ровно ширина коридора. Свет от масляной лампы на стене падал ему на подбородок, и я видела, как у него сжалась челюсть.

— Тогда я беру то, что мне нужно, прямо сейчас, — сказала я. — Под протокол Эльны и под твою подпись на пропуске.

— Какой пропуск? — спросил он.

— Письменный, — сказала я. — На имя Тавии Эр-Ларт. С правом входа в подвал и в аптечную комнату в любое время суток до конца шестой луны. Без сопровождения Марвена.

Он молчал. Я слышала, как где-то наверху хлопнула дверь и процокали каблуки по плитам — леди Инесса шла через зал, я узнала ее шаг. Нить на моем запястье шевельнулась, тонко и холодно: она была рядом, и она не одна. Варден чуть повернул голову, проследил направление звука, и на скулах у него снова выступил румянец.

— Здесь не место, — сказал он тихо.

— Здесь самое место, — ответила я. — В подвале нет ни совета, ни матери, ни ее соглядатаев. Только я и замок, к которому меня не пускают.

Он поднял ключи и повернул верхний в скважине. Медный замок нехотя подался, красная лента с печатью упала на каменный пол и свернулась, как сухая змея. Я не стала поднимать ее. Он распахнул дверь, и пахнуло мятой, чагой и теплым деревом — моя комната, мой воздух.

Я вошла. Ступки стояли на верхней полке, как я их поставила. Котел был вымыт и убран в дальний угол, но крышка была не та — кто-то снимал ее, я видела свежую царапину на ободке. Я проверила мешочек с сушеной чередой. Мешочек был перевязан чужой ниткой, тонкой, вощенной, не моей.

— Кто заходил? — спросила я, не оборачиваясь.

— Никто, — ответил он за моей спиной. — Клянусь кры-

шей.

Я высыпала череду на стол. Сверху лежала правильная, темная, острая в ноздрях. Под ней — светлая, мягкая, с запахом соломы. Я растерла щепотку между пальцами и поднесла к свету. Пустышка. Другая выдержка, другой год сбора. Эту подмену сделали не вчера.

— Это не моя черед, — сказала я.

Он шагнул ближе. Я почувствовала его запах раньше, чем услышала шаг: кожа, холодный металл, что-то горькое от чая, который он пил утром. Нить на моем запястье потяжелела, потеплела, и я сжала пальцы в кулак, чтобы она не дернулась.

— Что это значит? — спросил он.

— Значит, кто-то до меня забрал мою траву и подложил чужую, — сказала я. — С крышкой котла то же самое. Чужой обод, чужая рука.

Он нагнулся над столом, посмотрел на щепотку, и я впервые заметила у него на переносице тонкую складку — морщинку человека, который привык считать деньги.

— Сколько стоит настоящая? — спросил он.

— Пять медных за горсть, — сказала я. — Эта пустышка стоит ноль. Я лечу ею беременных и рожениц. Если она попадет в отвар, женщина потеряет молоко в первую же неделю.

Он выпрямился. Лицо у него стало тем каменным, каким бывало, когда он слышал цену чужой ошибки.

— Кто имеет ключ? — спросила я.

— Эльна, — сказал он. — И Марвен.

Я кивнула. Эльна заходила сюда раз в неделю, проверяла расход, и я это знала. Она не стала бы менять траву — она умела отличить выдержку и никогда не лезла в чужую работу. Марвен тоже не стал бы рисковать: он не лечил, он считал. Тогда кто?

— Есть еще один ключ, — сказала я. — У леди Инессы. Я видела его в ее комнате на прошлой неделе, когда несла ей микстуру от кашля. Медный, с гравировкой «А». Аптечная.

Он не ответил. Я видела, как он повернул голову к двери, прислушался, и нить на моем запястье вдруг остыла, стала тонкой и колкой. Леди Инесса была где-то близко. Не здесь, но рядом, за стеной или этажом выше.

— Дай мне пропуск, — сказала я. — Подпиши сейчас. При Эльне и Росе. Потом я забираю травы и мешочки и ухожу к себе в спальню. Если за ночь печать вернется на дверь, я еду в гильдию.

Он смотрел на меня сверху вниз, и я видела, как он ищет место, куда поставить свое «нет». Я подняла руку и раскрыла ладонь, как под подпись.

— Ты уже не хозяин, — сказала я. — Ты поручитель. Разница — в одном слове, и я его записала.

Он достал из кармана куртки небольшой лист, уже сложенный, уже подписанный внизу. Я развернула. Почерк был ровный, без росчерка. Справа от подписи он оставил пустое

место для печати и ждал, пока я прочту до конца.

— Допуск к подвалу и аптечной, — сказала я. — Ключ у ключницы. Имя Тавии Эр-Ларт. Все верно.

— Возьми, — сказал он и протянул мне связку.

Я взяла ключи, повесила их на крюк у двери и заперла замок снова. Красная лента так и лежала на полу, свернувшись между нашими ногами. Я подняла ее, свернула в кольцо и положила на верхнюю полку под ступку.

— Пусть лежит здесь, — сказала я. — Если леди Инесса захочет снять свою печать, она войдет сюда сама. Я не буду рвать чужую работу, как бы мне этого ни хотелось.

Он не улыбнулся. Он кивнул — коротко, тяжело — и вышел из аптечной первым. Я задержалась ровно на десять ударов сердца, проверила, что мешочки с чередой, тысячелистником и сухой мятой лежат у меня в саквояже, и вышла следом.

В коридоре нить дернулась снова, но теперь не вниз, не к Вардену. Вбок. К двери, за которой слышались тяжелые шаги, и к голосу, который я узнала: леди Инесса говорила с Марвеном о дровах для совета и о женщине, которая спустилась в подвал без спроса.

Я подняла саквояж на плечо и пошла мимо.

— Ключ у Эльны, — сказала я не оборачиваясь. — Можете записать.

Каблуки леди Инессы остановились за поворотом, и я переложила саквояж с одного плеча на другое, чтобы не идти

с ней лицом к лицу. Не сейчас. Не с ключами, которые еще не остыли от его руки.

Лестница к моей комнате шла мимо кухни, и я знала, что кухарка уже греет котлы к обеду, а значит, в коридоре пахнет хлебом и мокрой золой. По этому запаху меня в этом доме узнавали раньше, чем по лицу. Я свернула к черному ходу и почти столкнулась с Росом.

— Тавия, — сказал он негромко, — лошади сегодня ночью не спали. Беспокоились.

— Лошади не умеют беспокоиться, — сказала я.

— Эти умеют, — ответил он. — Варденовы кобылы чувствуют, когда в доме меняют замки. Я их не виню.

Я кивнула. Рос не лез в чужие дела, но всегда знал, в какую дверь меня не пустят, и заранее открывал другую. Сегодня он пришел с конюшни через двор и принес мне запах сена и мокрой шерсти, и я была ему благодарна за то, что он не спросил, зачем мне ключи, которые я уже держала в руке.

— Мне нужна бумага, — сказала я. — Чистая. И чернила, какие использует Эльна для хозяйственных книг.

— У меня есть, — ответил он, — но чернила только гусиные. Для домашней отчетности.

— Подойдут.

Он ушел и вернулся через две минуты с двумя листами и огрызком пера. Я присела на подоконник у слухового окна, положила лист на колено и написала короткую опись того, что забрала из аптечной: череда, тысячелистник, сухая мята,

мазь на основе топленого масла и два мешочка с корой. Под каждой строкой я поставила цену на черном рынке Нижнего города и рядом — цену, по которой эта же трава проходила в книге дома. Разница была почти в четыре раза.

— Это ты для кого пишешь? — спросил Рос.

— Для памяти, — ответила я. — И для совета, когда совет соберется слушать.

Он хмыкнул, и я впервые за этот день услышала в его голосе что-то похожее на уважение.

— Инесса не любит, когда считают, — сказал он.

— Инесса не любит, когда считают не в ее пользу, — поправила я.

Я сложила лист вчетверо, спрятала в нагрудный карман и пошла дальше. У двери в мою комнату нить дернулась вниз, к лестнице, и я поняла, что Варден спустился в подвал. Туда, где я только что была. Туда, где на верхней полке лежала его красная лента, свернутая в кольцо под моей ступкой.

Я отперла дверь, вошла и заперла за собой на оба замка. Моя комната была маленькой, с низким потолком, но кровать была застелена чистым, а на столе стояла миска с водой и лежал кусок ржаного хлеба, завернутый в полотенце. Эльна. Эльна всегда оставляла еду, когда знала, что я не выйду к обеду.

Я села на кровать, достала из саквояжа мешочек с подмененной чередой и положила его на стол рядом с миской. Пустьшка лежала на чистой скатерти, и я смотрела на нее, пока

не поняла, что делать.

Нужно было показать Эльне. Эльна вела аптекарскую книгу дома, и каждая замена травы должна была пройти через ее руку. Если замены в книге нет, значит, кто-то снял мой мешочек и подложил свой, не оставляя следа. Если замена есть, значит, кто-то поставил свою подпись под чужой травой и солгал в строке, за которую отвечает головой.

Нить на моем запястье снова потяжелела. Варден был уже в подвале. Я представила, как он стоит перед открытой дверью аптечной, смотрит на пустую полку, на перевязанный мешочек, и не знает, что с этим делать. Впервые за долгое время он не мог приказать. Он мог только ждать, пока я вернусь и объясню.

Я не вернусь. Я напишу ему записку и оставлю у Эльны, а Эльна передаст.

Я достала второй лист, обмакнула перо и написала коротко: «В подмененной череде другой год сбора. Проверь запись в аптекарской книге. Если записи нет, значит, подмену сделали мимо тебя. Если запись есть, позови Марвена, и пусть он объяснит, кто имел право вписать чужую траву в твою книгу без твоей подписи. Я в своей комнате. Ключ у меня. Т.»

Я положила записку под миску и вышла. У двери Эльны пахло воском и сушеной малиной. Я постучала.

— Войдите, — сказала она.

Я отдала ей записку, мешочек с пустышкой и свою опись.

— Это он, — сказала я. — Подмена. Разница в цене почти четыре раза. Если в книге нет записи, значит, воровал тот, кто имеет ключ помимо тебя и Марвена.

Эльна молча взяла мешочек, развязала, понюхала, растерла щепотку и кивнула.

— Я проверю, — сказала она. — До утра.

— Проверь при свидетелях, — попросила я. — При Ро-се. Если найдешь запись, не вырывай страницу. Подложи чистый лист и запиши время проверки.

Она снова кивнула. Я вышла, и нить на моем запястье впервые за день потеплела ровно, без рывков, и осталась теплой до самой двери моей комнаты.

Мне нужна была не миска с хлебом и не теплая вода. Мне нужна была копия договора, которую я не видела собственными глазами, и человек, который умеет читать между строк лучше меня. Я села на кровать, скинула саквояж на пол и достала из-под подкладки свой собственный лист — тот, что я вынесла из дома еще до свадьбы, спрятанный между страницами лечебной книги матери. Копия была старая, чернила выцвели, но слова стояли на местах. Я разложила его на столе рядом с миской, придавила углы кружкой и хлебом, и начала читать медленно, строка за строкой.

Пункт о разводе. Пункт о вине. Пункт о совместном проживании.

Совместное проживание. Шесть лун под одной крышей, считая от даты, которую ставит совет, а не от даты, которую

ставлю я. Я перечитала трижды, потому что не хотела верить. Потом перечитала четвертый раз, потому что уже поверила и хотела найти выход. Выхода не было. Если я уйду раньше, печать записывает нарушение с моей стороны, и тогда развод идет не как развод, а как изгнание, с потерей лавки, жетона и права голоса в гильдии. Если я остаюсь, я обязана жить в доме, где меня выставили к столу с другой женщиной, и считать это своей обязанностью, а не унижением.

Нить на запястье дернулась вниз. Варден был где-то внизу, и я не знала, стоит ли он перед моей пустой полкой или уже поднялся в зал. Мне было все равно. Мне нужно было увидеть подпись, которая стоит под пунктом о шести лунах, и понять, чья она.

Я слышала шаги в коридоре. Не тяжелые, не каблуки леди Инессы, а мягкие, осторожные, с паузой у моей двери. Тори. Я узнала ее по тому, как она переступала с ноги на ногу, прежде чем постучать.

— Тавия, — позвала она тихо. — Там Рос говорит, что Эльна зовет тебя в хозяйственную. Говорит, нашла.

Я встала, сунула копию обратно в подкладку саквояжа и пошла за Тори. По дороге я не задавала вопросов, а она несла свой страх как второе одеяло, натянутое до подбородка. У двери хозяйственной Эльна стояла с аптекарской книгой в руках и с лицом, какое бывает у людей, когда они впервые за много лет понимают, что их обманывали прямо через их же строку.

— Запись есть, — сказала Эльна. — Подделана.

Она развернула книгу ко мне. Строка о поступлении череды была вписана другим пером, другими чернилами, и стояла в тот день, когда я была в отъезде на вызов в Нижнем городе. Под строкой стояла подпись, очень похожая на мою, но с одним лишним наклоном в букве «р», который я никогда себе не позволяла.

— Кто вписал? — спросила я.

— Не знаю, — ответила Эльна. — Но ключ от аптечной в тот день был у Марвена.

Я кивнула. Марвен держал ключ, Марвен вел хозяйственные книги вместе с Эльной, Марвен подписывал поставки. Если подпись подделана под мою, а вписана рукой человека, который имел доступ, то у этого человека была причина и возможность, и эта причина сидела сейчас в главном зале и улыбалась гостям.

Нить дернулась снова, и в этот раз я почувствовала, что Варден не в подвале, а совсем рядом, за стеной. Я не обернулась. Я взяла у Эльны чистый лист, вложила его между страниц с поддельной записью и написала время проверки, число и свою подпись. Потом закрыла книгу и отдала ей обратно.

— Завтра утром я положу это на стол совета, — сказала я. — Не раньше.

Я стояла у двери своей комнаты и не сразу вошла. Саквояж оттягивал плечо. Внутри, под подкладкой аптекарской сумки, лежала копия договора с пунктом о шести лунах, и я

впервые за этот день перестала зливаться и начала считать.

Шесть лун. Двадцать четыре седмицы. Сто шестьдесят восемь дней, если считать с сегодняшнего. Меньше, если считать, что часть дней я уже прожила в ожидании. Больше, если кто-то из дома решит, что луны считаются не от письма, а от ритуала у Камня Первого Огня, и растянет срок на прием и согласование.

Я вошла, заперла дверь на два оборота, положила сакво-ж на кровать. Сняла сапоги, поставила их к печке сушиться, размотала шаль. Комната была маленькой, с низким потолком и узким окном, за которым гулял мокрый ветер. На столе стояла плошка с остывшим отваром, который я заварила утром, и рядом лежал кусок хлеба, забытый с вечера. Я отломила корку, пожевала. Горечь во рту стала привычной, как эта комната.

Первое, что я сделала, села за стол, достала из сумки чистый лист и начала выписывать столбцы. Правая рука колотилась, я держала перо левой и выводила цифры медленно. Шесть лун вынужденного проживания. Что мне положено по закону гильдии как мастеру целителю с постоянным жетоном. Что мне положено по договору как жене. Где два документа расходятся, и где дом может надавить.

По гильдейскому уставу я имела право открыть практику в любом городе гильдии, принимать больных, продавать травы, держать учеников. Жетон продлевался ежегодно после экзамена, и если я не сдам экзамен в срок, я теряю право

подписи. Кто в доме может задержать мою заявку на экзамен. По уставу — никто, кроме совета гильдии. По договору — ни слова. Это была щель, в которую я могла пройти, если меня не закроют раньше.

По договору, пункт о шести лунах. Я развернула копию, нашла нужное место, прочитала медленно, как читают незнакомое лекарство. Супруги обязаны прожить шесть лун под одной крышей, иначе развод записывается по вине той стороны, которая покинула дом. Виновная теряет долю, статус и право голоса в совете рода. Если инициатором выходит жена, доля переходит главе дома. Ни слова о праве работать. Ни слова о том, что считается крышей — общий двор, общий стол, общая спальня, или достаточно того, что я ночую под этой черепицей.

Намеренно или по глупости, пункт был написан размыто. Хороший поверенный разорвет его в совете гильдии за полчаса, но поверенный стоил денег, а деньги мне не выдавали.

Я отложила перо и снова перечитала две строки о проживании. Крыша. Вот где крючок. Если кто-то в доме решит, что я должна не просто ночевать, а вести с лордом общий стол и спать под одним одеялом, это можно выкрутить в обвинение, что я не проживаю, а только числюсь. Тогда любое отсутствие в доме в течение ночи запишется как нарушение с моей стороны.

Поэтому ключ от отдельной спальни — это не удобство. Это щит. Это документ, по которому видно, что у меня есть

своя комната, своя дверь, свой засов, и совет не может потом сказать, что я бродила по чужим коридорам.

Я сложила лист, написала сверху два слова «спальня щит» и убрала в сумку под подкладку к копии договора.

За стеной слышались шаги. Тяжелые, мужские, размеренные, на три счета. Я узнала их по тому, как третья ступень чуть скрипнула, прежде чем он перенес вес. Варден. Он прошел по коридору к лестнице в верхнее крыло, и шаги стали глуше, и я поняла, что он остановился у моей двери на полвдоха, и потом пошел дальше. Не постучал. Ни слова.

Нить под рубашкой шевельнулась медленно, лениво, как сытая кошка, и я впервые за этот день не захотела ее сорвать.

Я встала, подошла к двери, прижала ладонь к холодной щеколде. За дверью было тихо, только ветер бил мокрым снегом в стекло. Я подумала о том, что там, за стеной, сейчас стоит человек, который принес мне письмо с разводом и утром смотрел, как я режу бинт чужому колену. Что он не спросил, почему я не пришла к ужину. Что его записка, прислоненная к жестянке, была написана не рукой лорда, а рукой мужчины, и почерк был другим.

Я убрала ладонь, вернулась к столу, отпила отвар. Остывший, горький, с привкусом коры и мяты. Я заварила его утром, чтобы не думать о том, что ночевала у двери собственной аптечной, как приبلудная собака.

Стук в дверь. Тихий, два раза. Не три, не его.

— Кто, — сказала я.

— Эльна, — голос был тихий, ровный. — От Марвена. Завтра к восьмому колоколу прошу быть в хозяйственном зале.

— Зачем.

— Объявление по закупкам. Лорд приказал объявить открыто.

Я не поверила, но кивнула. Слышно было, как она кивнула в ответ.

Шаги Эльны были почти неслышны. Она ходила так, как ходят люди, привыкшие не мешать хозяевам.

Я поставила плошку на стол, достала гильдейскую аптекарскую тетрадь. Она была единственной книгой в этой комнате, которую никто не мог отнять без следа. Я открыла чистую страницу, поставила дату, время, написала ровным почерком «получила вызов в хозяйственный зал к восьмому колоколу, объявление по закупкам, источник Эльна через Марвена». Подпись, печать гильдейской тетради, ссылка на запись о подделке чернил. Лишняя строка в чужой книге, но моя. Если завтра совет скажет, что я не пришла, у меня будет чем ответить.

За стеной снова прошли шаги, на этот раз легкие, почти женские. Тори. Она шла к черной лестнице, ведущей в кухонный двор, и я поняла, что она тоже не спит, и что она, наверное, боится завтрашнего дня больше, чем я.

Я отложила перо. Потянулась. Шея затекла от того, что я сидела согнувшись.

Окно дрожало от ветра. На подоконнике лежал мокрый снег, и в темноте его почти не было видно, только белая полоска у самого края. Я подошла, убрала снег рукой. Ладонь стала мокрой и холодной, и я стояла так с минуту, глядя во двор, где у коновязи горел фонарь, и по кругу света ходил часовой.

Варден сидел на лавке под навесом, у самой кромки тени. Я узнала его по плечам, по тому, как он сидел, чуть склонив голову, будто слушал что-то свое. Не часовой, не гонец. Просто сидел и смотрел на дверь моего крыла.

Нить шевельнулась снова, медленно, тепло.

Я отвернулась от окна, задернула занавеску из плотной шерсти, легла на кровать, не раздеваясь, положив саквояж под голову. Под подкладкой аптекарской сумки лежали два листа, копия договора и пометка «спальня щит», и я впервые за этот день подумала, что, может быть, не зря согласилась на шесть лун. Может быть, к концу этих лун я выйду отсюда с чистым жетоном, с собственной практикой и с правом уйти так, чтобы никто не записал мне в вину, что я бросила крышу.

За стеной скрипнула дверь. Потом стало тихо, и только ветер бил в окно, и нить под рубашкой лежала ровно, теплая, без обжога, и я заснула под нее, не снимая.

Эльна кивнула. Тори шмыгнула носом, и я вдруг поняла, что она видела эту поддельную запись раньше, и молчала, и теперь стоит передо мной с лицом человека, которому

страшно, что молчание запишется как соучастие.

— Иди спать, Тори, — сказала я. — Завтра будет длинный день.

Она ушла. Я вернулась к себе, заперла дверь и села на кровать, положив саквояж на колени. Внутри, под подкладкой, лежала копия договора с пунктом о шести лунах, и я впервые за этот день перестала злиться и начала считать.

Глава 3. Печать на ладони

Ключ лег в ладонь холодной рыбьей чешуей. Эльна вложила его мне сама, без Марвена, и от этого пальцы у нее чуть дрожали — она понимала, что делает.

— Медная часть идет к аптечной, — сказала она тихо, как молитву. — Красная — к твоей спальне. Зеленую тебе не дадут.

— Зеленая мне и не нужна, — ответила я, — мне нужен стол.

— Стол в подвале уже есть.

— Стол, за которым можно работать стоя. Скамья. Вода. Замок на двери, который открываю я.

Эльна посмотрела на меня долгим хозяйским взглядом, каким смотрят на строку расходов, в которой кто-то ошибся.

— Ты, видно, не поняла, — сказала она. — Тебя сюда вернули не лечить. Тебя вернули, чтобы совет мог сказать, что в роду есть жена. Пока ты под этой крышей, развод не получишь ни ты, ни он. Нужна тишь и послушание.

— Тогда пусть послушание начнется с этой книги, — я выложила на стол тяжелую тетрадь в оленьей коже. Аптекарская книга замка, которую Эльна вела четыре года. — Открой последние три сезона.

Первая страница пахла лавандой и пылью. На полях стояли ровные галочки Эльны — трава закуплена, трава роздана,

траву списана. Я вела пальцем по строчкам, пока не дошла до записи о зимних перевязках стражников.

— Здесь тридцать шесть фунтов мазей, — я показала ногтем. — А в кладовой лежит двадцать. Где остальные шестнадцать?

— Списали на слуг, — сказала Эльна почти шепотом.

— На каких слуг? Поименно.

Тишина в подвале была плотной, как каменный потолок. Эльна перевернула страницу сама, поддела ногтем строчку о ткани для повязок.

— Видишь? «Холст серый, поставщик Верес, шестьдесят локтей». В прошлом году у Вереса было серого холста сорок. Лишние двадцать локтей ушли в счет, который мне не показали.

— Кому?

— Лорду Вардену через казначея. Но я знаю, чья печать стоит на этих счетах.

Я закрыла книгу. Сердце стучало ровно, глухо. Если Вересы гнали через замок дрянной холст и траву, разницу клали в карман кому-то из дома. Если эта бумага ляжет на стол совета, у Инессы выбьют голос.

Но мне сейчас нужно не это. Мне нужна комната, ключ и вода, потому что без работы я не проживу эти шесть лун, а без работы мне не заработать на свою лечебницу в Нижнем городе.

— Эльна, — я поставила локоть на тетрадь, — ты отдашь

мне стол или будешь ждать, пока Марвен узнает про лишние локтя?

Она помолчала.

— Тебе велят повиноваться, а ты торгуешься за мебель.

— Я не торгуюсь. Я прошу вещь, без которой не будет лечебницы. Без лечебницы у совета не будет довода держать меня в замке. Без довода — не будет шести лун. Не будет развода.

Это я поняла вчера ночью, пока считала на пальцах. Меня не выпустят, пока я нужна роду для ритуала. Я нужна роду, пока меня видят дома. Меня видят дома, пока я делаю что-то, чего без меня не обойдутся. Значит, мне нужно вбить себя в расписание замка крепче, чем гвоздь в подошву.

Эльна достала из-под передника связку ключей.

— Подвал под лестницей, — сказала она. — Там сухо. Стол есть, но кривой. Скамью принесу сама. Замок на двери я тебе не открою без приказа леди Инессы.

— Откроешь, — я взяла медный ключ, — когда увидишь, сколько людей ко мне придет без очереди к Инессе.

Она качнула головой.

— Ты еще не поняла, Тавия. У нас тут не бывает «без очереди к леди». У нас тут всегда — через леди.

— А у меня будет без нее.

Шаги на лестнице были тяжелые, мужские, и Эльна торопливо забрала книгу. Варден вошел в подвал, не постучав. На его рукаве висела мокрая трость, на сапоге — налипший ры-

жий лист. Пахло конюшней и холодной водой.

Он увидел связку ключей у меня в руке и не спросил, чья она. Сказал только:

— У тебя нет права прикасаться к замку аптечной.

Я повесила ключ обратно на гвоздь у двери и повернулась.

— У меня нет. У тебя — есть. Позови Марвена, пусть снимут замок и отдадут мне ключ по бумаге. Я подожду в коридоре.

Он смотрел на меня долго. Я выдержала.

— Завтра, — сказал он.

— Завтра, — повторила я. — С подписью леди Инессы.

Он вышел, и я слышала, как его шаги на лестнице стали тише, будто он перестал стараться их слышать сам. Эльна молча убрала со стола кружку с чаем, и я поняла — мне дали первый рубезж. Не ключ. Понимание, что ключ будет мой. Потому что без меня аптечная у Инессы не живет.

Подвал пах сырой штукатуркой и старым тряпьем. Я втащила туда кривой стол сама, пока Эльна варила в кухне свой бесконечный отвар для подагры леди Инессы. Стол поддался на третьем рывке, ножка хрустнула и подровнялась о каменный порог. Скамью я нашла у стены — короткую, с выщербленным сиденьем, но твердую. Вода в кувшине была ледяная, из колодца во дворе, и пахла ржавым железом.

Первый больной пришел через два часа. Кухарка привела мальчишку-посудомойку с обожженной кистью — лизнул котел, когда проверял, не остыл ли суп для леди.

— Вот, — сказала кухарка, — леди Инесса занята. Сделай, что сможешь.

Мальчишка смотрел на меня исподлобья, не плакал, только сжимал зубы. На коже вздулись белые пузыри, у большого пальца лопнул один, и оттуда сочилось прозрачное. Я размотала свой поясной платок, смочила его в кувшине, потом — в котле с холодной кашей на жаровне. Прижала к ладони. Мальчишка зашипел.

— Терпи, — сказала я. — К утру не будет волдыря.

Кухарка смотрела, как я работаю, и молчала. У нее самой под фартуком тяжело ходил восьмой месяц, и она это знала, и я это знала, и обе делали вид, что не знаем.

— Если что ночью — приходи, не стучись, — сказала я ей. — Дверь будет открыта.

Она кивнула и увела мальчишку. Я вымыла руки в остывшей воде, обтерла их о фартук и села записывать в свою тетрадь: «Ожог кисти, мальчик-посудомойка, лизнул котел, пузыри, лизать запретить. Бинт холщовый, вода колодезная. Прописать мазь из воска и льна на завтра».

Я писала и слышала, как наверху хлопнула дверь. Потом — шаги. Тяжелые, мужские, медленные. Варден прошел по коридору и остановился у моей двери, не заходя.

— Тавия, — сказал он через щель, — леди Инесса спрашивает, кто дал тебе право открыть прием в подвале.

— Эльна дала ключ, — ответила я, не поднимая головы от тетради. — Ты сказал — завтра. Завтра уже сегодня. Под-

пись леди Инессы я не видела. Если она хочет отобрать помещение, пусть пришлет Марвена с бумагой. Я не открою дверь без приказа.

Молчание. Потом — короткое:

— Я спрошу.

— Спроси, — сказала я. — И добавь, что у мальчишки-посудомойки волдырь. Это по ее части, если она до сих пор считает себя хозяйкой аптечной.

Шаги удалились. Я перевернула страницу. Написала второй пункт: «Жду подпись Инессы. Если не придет до полудня — запишу в гильдейскую книгу, что леди отказала в помещении при наличии больного. Гильдия не любит таких отказов».

Замок на двери скрипнул. Я не обернулась. Эльна вошла тихо, поставила на кривой стол жестянку с мазью и кусок хлеба.

— От леди, — сказала она почти виновато. — Инесса сказала — пусть работает. Но каждый больной записывается в книгу замка, не в твою.

— Каждый больной записывается в обе, — сказала я. — В мою — потому что это моя гильдейская практика. В замковую — потому что без нее вы не узнаете, кто умер. Сделаем копию на одной странице, чтобы леди было удобно проверять.

Эльна поджала губы. На верхней губе у нее осталась мука от утреннего теста.

— Ты понимаешь, что она не даст тебе жетон?

— Понимаю. Жетон мне даст гильдия, а не она. За экстренную практику. Она знает, что я подала вчера прошение.

Эльна села на скамью, осторожно, как на чужую кровать.

— Тебя выселят из аптечной через два дня, — сказала она тихо. — Инесса уже написала в совет, что ты принимаешь слуг без ее разрешения. Марвен готовит бумагу. Тебе останется лестница.

Я записала третий пункт: «Принять возможное выселение. Не отдать мазь и записи. Бумагу о выселении требовать с печатью, не словесно». Потом подняла голову.

— Эльна, — сказала я, — если Инесса меня выселит, кто примет ночью роды у кухарки?

Она отвела глаза.

— Брат Ойрен вызовет повитуху из деревни.

— Повитуха из деревни не знает, что кухарка третий день пьет отвар пустырника, который я ей дала. Повитуха из деревни не знает, что у кухарки была первая неудачная беременность год назад и шейка рыхлая.

Эльна молчала.

— Если хочешь, чтобы ребенок стражника дожил до утра, оставь меня в подвале. Если нет — забирай мазь, я пойду к Брату Ойрену сама и объясню ему про гильдейскую книгу и загубленную практику.

Она забрала мазь и ушла. Я доела хлеб, допила воду и записала последнее: «Жду ответа до полудня. Инесса выбира-

ет между советом и мертвым ребенком в доме. Жетон придет сам».

Подвал пах остывшей кашей и лавандой от бинта, который я повесила сушиться над табуретом. Я записывала в тетрадь имя мальчишки-посудомойки и вдруг услышала, как в коридоре кто-то задержал дыхание. Не Эльна. Эльна дышит ровно, как старая лошадь. Этот дышал неровно, и я узнала этот сбой еще до того, как он постучал костяшкой о косяк.

Варден не вошел. Остановился в проеме, плечом к стене. На нем была та же куртка, что утром, но пояс сдвинут, будто он сам не заметил, как надел его криво. Пахло мокрой кожей, дымом и чужими духами, тонкими, сладкими, как у Инеи. Я отметила это и записала в голове отдельной строкой: «Пахнет Инеей. Не леди. Пахнет».

— Ты здесь живешь теперь? — спросил он. Не зло. Устало.

— Я здесь работаю. Живу в спальне, которую мне выделили по договору.

Он усмехнулся одним уголком рта. Усмешка не добралась до глаз.

— В спальне, которую ты у меня выторговала.

— У леди Инессы. У тебя в этом доме нет подписи под моими условиями. Только печать совета.

Он помолчал. Смотрел, как я макаю перо в чернила и вывожу дату. Ручка у меня была моя, из лавки, тонкая, с медным наконечником, и я не собиралась ее отдавать.

— Мальчишка, — сказал он наконец. — Как рука?

— До свадьбы доживет. До твоей — не знаю.

Он качнул головой. Не понял шутки, и хорошо. Я писала дальше, но сердце у меня стучало в ушах, потому что он стоял слишком близко, и я снова чувствовала его запах, и запах этот был неправильный, и от этого мне было хуже, чем если бы он пах просто грязью.

— У тебя кровь на рукаве, — сказала я, не поднимая глаз.

Он глянул на свой левый рукав. Там, у самого манжета, темнело узкое пятно.

— Это не моя, — сказал он.

— Я знаю, что не твоя. Я спрашиваю, чья.

Он не ответил. Отлепил плечо от стены, шагнул ближе. Остановился, не дойдя двух шагов. Я почувствовала, как у меня на запястье потеплела красная нить, тонкая, как паутина, и яростно сжала пальцы под столом. Тепло. Значит, он говорит правду. Кровь не его. Правда его, Вардена Арта, в том, что он стоит в подвале у чужой жены и пахнет чужой женщиной, и нить это знает, и молчит, и только греет кожу.

— Ты считаешь меня чудовищем, — сказал он тихо.

— Я считаю тебя человеком, который привел другую к нашему столу. У меня нет времени решать, чудовище ты или нет. У меня через час придет кухарка, и у нее схватки, и мне нужно вскипятить воду.

Он смотрел на меня долго, и я видела, как у него дрогнуло горло, когда он сглотнул. Мне стало его жалко на одну се-

кунду, ровно настолько, чтобы разозлиться сильнее.

— Дай посмотрю, — сказал он и протянул руку к моей тетради.

Я отодвинула локоть.

— Нет.

— Тавия.

— Варден, — сказала я в тон ему. — Тетрадь моя. Кровь не твоя. Кухарка не твоя. Аптечная не твоя. Если хочешь что-то в этом доме потрогать — трогай подпись леди Инессы, она где-то у тебя в кабинете. Или трогай Инею. У нее, говорят, кожа мягче.

Он отступил. Я впервые видела, как Варден Арт отступает, не потому что ему приказали, а потому что ему некуда было шагнуть. Нить на моем запястье остыла, и это означало, что я сказала правду, и он это знал, и ему от этого стало хуже.

— Я пришлю дрова, — сказал он глухо.

— Не нужно. У меня есть жаровня.

— Я пришлю стражника к двери.

— У меня есть Эльна.

— Я пришлю тебе письменное разрешение на мост, — сказал он и сам осекся, потому что это уже было слишком, и мы оба это поняли.

— Пришли, — сказала я ровно. — С печатью. Без печати стража не выпустит, а я завтра хочу сходить в лавку за сухой мятой и чистой марлей. Если, конечно, леди Инесса не

запретит мне покупать марлю для кухарки, которая рожает твоего стражника.

Он кивнул и вышел. Я досчитала до двадцати, слушая его шаги по лестнице, и только потом выдохнула. Тетрадка у меня в руках была мокрая от пота, и я стерла ладонь о фартук и дописала последнюю строку: «Варден приходил. Пах Иней. Нить была теплой, значит, говорил правду. Правда в том, что он скучает по мне и не хочет, чтобы я это видела. Это не прощение. Это улика, что он все еще мой. Я его не звала».

Кухарка пришла вовремя, со схватками через каждые семь минут, и до утра я уже не выходила из подвала.

Кухарка родила в третьем часу ночи, когда за окном подвала не осталось ничего, кроме снега и собственного дыхания. Девочка вышла тихо, синяя, в пуповине, обмотанной вокруг шеи дважды. Я сняла петлю пальцами, перерезала, откачала слизь ртом, потому что тряпка замерзла на табурете. Кухарка плакала не от боли, от страха, и я держала ей голову, и говорила, что все, что уже, что дыши, слышишь, дышит.

Ребенок дышал. Хрипло, с хрипом, который я слушала как собственный грех, но дышал.

Эльна пришла на крик. Принесла чистую воду, полотенца, кусок козьего сыра, завернутый в тряпицу. Поставила все у двери, не вошла. Посмотрела на меня, на кухарку, на синюю девочку у груди, и сказала тихо:

— Я принесу печать совета.

Я кивнула. Это значило — Инесса отступает. Не прощает, не уступает, отступает по факту. Ребенок стражника, которого нельзя списать на повитуху из деревни, потому что половина двора уже знает, что я его приняла, и теперь любящая смерть в этом доме запишется на мою или на ее совесть. Инесса выбрала совет.

Кухарка заснула. Я завернула девочку в полотенце, положила между матерью и стеной, чтобы не укатилась, и села на табурет. Руки у меня пахли кровью и околоплодными водами, и я впервые за сутки подумала о себе.

Он приходил. Пах Инеей. Нить была теплой.

Я стянула с запястья бинт, которым замотала руку кухарке, и посмотрела на тонкую красную полоску под кожей. Не кровь. След. Печать рода Арт, которую мне поставили в день свадьбы, и которая жжется, когда он врет, и теплеет, когда говорит правду. Правда его была в том, что он скучает. Это не прощение. Это улика, что он все еще считает меня своей, хотя сам привел другую к моему столу.

Я замотала запястье обратно. Улика подождет.

Утром в подвал спустился Брат Ойрен. Невысокий, в серой рясе, с медной печатью рода на груди, которая висела у него на кожаном шнурке, как у собаки ошейник. Лицо у него было то самое, монашеское, ровное, без морщин и без выражения, какое бывает у людей, которые слишком часто слышат чужую ложь.

— Живая? — спросил он, глядя на ребенка.

— Живая. Кухарка тоже. Мазь я не отдала. Эльна забрала.

Он кивнул. Сел на перевернутый ведро напротив меня, сложил руки на коленях. Пахло от него воском и сухой травой, и я подумала, что от него пахнет, как от этого дома должен пахнуть.

— Инесса просила передать, — сказал он, — что готова обсудить твои условия. До полудня.

Я посмотрела на часы на стене. Стрелка показывала половину девятого. Полдень через три часа.

— Какие условия? — спросила я, хотя знала.

— Отдельная спальня с замком. Ключ от аптечной комнаты. Допуск к твоим записям в архиве ключницы. Шесть лун.

Он перечислил ровно то, что я записала вчера в тетрадь, слово в слово, и я поняла, что Инесса читала через кого-то, или Эльна рассказала, или Брат Ойрен слышал через стену. Монашеский обет не позволяет лгать, но не запрещает слушать.

— Я приму, — сказала я. — Но добавлю пункт.

Он поднял бровь.

— Право подписи закупок трав от имени замка. Без согласования с Инессой. Я не буду покупать у Вересов.

Тишина повисла на две секунды, и я увидела, как у него чуть дрогнули пальцы на колене. Право подписи означало, что я вхожу в хозяйственную книгу дома, и Инесса теряет монополию на казну.

— Я передам, — сказал он.

— И последнее, — сказала я. — Письменное разрешение Вардена на мост. С печатью. Завтра мне нужна сухая мята и чистая марля.

Он встал. Печать у него на груди качнулась, и я услышала, как она тихо звякнула о медную пряжку.

— Письменное разрешение, — повторил он. — Не устное.

— Не устное, — подтвердила я. — Устное он мне уже обещал. Устное я уже слышала.

Он кивнул и ушел. Я осталась с кухаркой и синей девочкой, которая спала, уткнувшись в материнский локоть, и дышала ровно, и хрип в ее дыхании становился тише с каждой минутой.

Через два часа пришла Эльна с ключом на медном кольце и связкой бумаг. Ключ был от комнаты в восточном крыле, маленькой, с окном на конюшню. Бумаги были копия договора с печатью совета, разрешение на аптечную с моей подписью, и пропуск в архив ключницы на мое имя.

— Права подписи нет, — сказала Эльна тихо. — Инесса отказала.

Я спрятала ключ под бинт на запястье, рядом с красной нитью, и поднялась в восточное крыло. Семнадцать ступеней вниз, девятнадцать наверх — лестница в чужом доме всегда короче к комнате и длиннее от нее.

Комната оказалась меньше, чем я ждала. Кровать узкая, застеленная серым сукном, тюфяк проминался под коленом, когда я присела проверить. Стол у окна, табурет, умываль-

ник с трещиной на фаянсе, крюк для платья и маленький замок в двери, к которому мой ключ подошел с тихим сухим щелчком. Окно выходило на конюшню, и внизу, в стойле, фыркнула лошадь, и я узнала голос — серый мерин Вардена, которого он никому не отдавал.

Я закрыла дверь, повернула ключ дважды и села на кровать. Из-под тюфяка торчала бумажка, серая, заломленная; я вытащила, развернула. Расписка ключницы прошлому аптекарю о поставке сухой мяты с печатью Вересов. Чужие руки, чужие счета, мой тюфяк. Это не случайность. Это чей-то архив, спрятанный под матрасом от хозяйских глаз. Инесса выселила отсюда прежнюю ключницу, и та оставила себе хвост.

Я сунула расписку за пазуху, к ключу, и спустилась вниз. На третьей ступени меня перехватил Рос. Конюх выглядел так, будто не спал двое суток, пах лошадиным потом и холодной водой, но в глазах стояло то выражение, которое я у него знала: он узнал что-то, что стоит денег.

— Леди просила передать, — сказал он, не здороваясь, — что ключ от восточной выдан, и чтоб вы до обеда не выходили из крыла. Марвен у моста. Видел, как стражник сверял бумаги.

Это означало, что Инесса проверяет, пустят ли меня в Нижний город по моему письменному разрешению, которого еще нет. Она хотела поймать меня на первой попытке переправы без печати и списать это как нарушение условий. Я

сжала локоть Роса и посмотрела ему в лицо.

— Какой стражник?

— Молодой, без шрама. Из новых. Я его вчера у конюшни не видел.

Я кивнула. Значит, подмена. Обычного стража у моста заменили на человека Марвена, чтобы тот первый зафиксировал, что жена лорда пошла в город без подписи. Шесть лун, шестой пункт договора, и любой шаг без печати — это клетка, которая записывает каждый мой шаг.

Рос ждал, не уходя. Я достала из-за пазухи расписку, показала ему, не разворачивая.

— Сунь под третий камень от кормушки, где сено меняют. Если спросят — ты ее не видел.

Он взял, не глядя, сунул за голенище. Пахнуло навозом и мокрой кожей. Когда он ушел, я осталась стоять на лестнице и впервые подумала, что в этом доме у меня есть кто-то, кроме кухарки и ее синей девочки.

До полудня я должна была сидеть в комнате. Это тоже было написано где-то в условиях, я чувствовала это по тому, как Инесса выбирала время. Утро — это слуги, обед — совет, вечер — Варден. Если я выйду до полудня, меня запишут как нарушительницу. Если после — как просительницу. Любой мой шаг в эти три часа будет стоить мне одного из шести пунктов, которых я еще не получила.

Я вернулась в комнату, заперла дверь и села за стол. Нашла в ящике огрызок карандаша, обрывок бумаги. Стала

считать.

Шесть пунктов, которые я записала вчера в тетрадь: отдельная спальня с замком — получила; ключ от аптечной — получила; допуск к моим записям — получила; шесть лун проживания — это срок, не пункт; право подписи закупок трав — отказано; письменное разрешение Вардена на мост — не пришло.

Четыре из шести в руках. Два в долгу. Инесса думала, что я успокоюсь на четырех. Она не знала, что я никогда не успокаиваюсь на четырех, потому что четыре — это клетка с двумя дырами, и через любую дыру можно вытащить меня за волосы.

В дверь постучали. Негромко, два раза, с паузой. Так стучал Марвен, когда приходил с бумагами.

Я не открыла. Подошла к двери, положила ладонь на замок, и сказала тихо:

— Если от Инессы — оставьте под дверью.

Тишина. Потом голос Марвена, ровный, как линейка:

— От лорда Вардена. Письменное разрешение на переправу через мост. С печатью.

У меня перехватило дыхание на полсекунды. Я не ждала этого сейчас. Я ждала это завтра, через спор, через совет. Варден подписал разрешение сам, без Инессы, без совета, до полудня, до того, как Инесса успела подставить мне стражника.

Я открыла дверь. Марвен стоял с белым конвертом, запе-

чатанным красным воском. Печать Вардена — драконья лапа с короной — была свежей, воск еще блестел.

Я взяла конверт, не касаясь его руки.

— Кто подписал?

— Лорд Варден. Лично. Сегодня на рассвете.

Я кивнула и закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной, вскрыла конверт пальцем. Разрешение было написано его рукой, я узнала бы ее из тысячи: крупный наклон, буква «д» с длинным хвостом, подпись без завитков. «Жене моей Тавии Эр-Ларт разрешено переправляться через мост для закупки лекарственных трав и материалов. Сроком на шесть лун. Печатью рода Арт скреплено». И подпись, и печать, и дата — сегодняшнее утро.

Я положила бумагу на стол, рядом с огрызком карандаша, и села на кровать. Нить на запястье под бинтом была теплой, не горячей. Правда. Он не врал. Он действительно хотел, чтобы я ушла в город, и он не хотел, чтобы меня при этом поймали.

Это не прощение. Это первый шаг человека, который понял, что держит в клетке не вещь, а лекаря, без которого в его доме не будет ни одного здорового ребенка. Инесса считала мои руки. Варден считал мои руки иначе. И пока он считал — я могла выходить.

Я взяла ключ, повернула его в пальцах. Медь была холодной и пахла чужим домом.

— Передай Инессе, — сказала я, — что следующий ребен-

нок в этом доме будет стоять ей дороже, чем право подписи. И что я не уеду, пока не получу все шесть пунктов. У меня есть шесть лун и девочка, которая дышит.

Эльна ничего не сказала. Я закрыла дверь подвала на ключ, впервые за двое суток, и пошла по лестнице наверх, считая ступени. Семнадцать. Я запомнила.

Глава 4. Общий обед

Я затянула узел на чистой холщовой полоске поверх ссадины, выпрямилась и посмотрела на руку мальчика-посудомойки. Кожа вокруг раны порозовела, опухоль спала, гной больше не сочился. Подвал пах дымом от жаровни, мокрой шерстью и медом из банки, которую кухарка прислала с запиской «за работу». Записка лежала в рабочей тетради между страниц с рецептами от ожогов. Одно и то же письмо — и плата, и долг.

— Спасибо, леди, — мальчишка прижал руку к груди. У него были серые глаза, как у того стражника у моста. — Я думал, отрежут.

— Рано резать, — сказала я. — Через три дня придешь на перевязку. Если станет горячо или запахнет гнилью, сразу ко мне, не через кухарку.

Он кивнул и ушел, пригибаясь в низкой двери. Я закрыла за ним, повернула ключ, сняла его с гвоздя и положила на полку за банкой меда. На столе лежала раскрытая аптекарская книга Эльны, та самая, к которой мне открыли доступ по договору. Страница за июль: мята перечная, две унции, поставщик Соль и Кин, цена двойная против рыночной. Под страницей — запись почерком ключницы по приказу Инессы Соль: «поставка одобрена, разница в цене — на хранение».

Я обвела запись сухой иглой. Разница ушла Вересам, и

прежняя ключница это знала. Запись осталась в книге, и я не имела права ее вырвать.

За дверью послышался шорох ткани о камень и тяжелый шаг с ленцой, будто хозяин дома позволял полу нести себя. Вошла Инесса Соль в утреннем сером платье, без кружева, с белым передником, будто зашла уточнить рецепт. Запах розовой воды и миндального масла предшествовал ей.

— Я слышала, мальчик плакал, — сказала она. — Брэн рассказал.

— Брэн подслушивает у дверей аптечной, — сказала я. — Полезная привычка.

— Он переживает за слуг. У нас маленький дом, леди Тавия. Каждый плач слышен. — Она села на скамью, которую я выторговала у Эльны, и положила руки на колени. — Вы нашли в книге много интересного?

— Я нашла рецепт для ожогов. Остальное меня не касается.

— Касается. — Она посмотрела на меня прямо, без улыбки. — Вы переписали цены на мяту. Я видела вашу тетрадь вчера на столе.

— Я записываю, что отпускаю. Это нужно для отчета перед гильдией в конце сезона.

— Отчет перед гильдией подает ключница. — Инесса провела пальцем по обложке книги, не открывая. — Не жена лорда, даже временная.

Меня это не удивило. Я ждала этого с момента, как села

за этот стол.

— Леди Инесса, — сказала я, — вы пришли сказать, что я не имею права считать расход дома. Я поняла. Вы пришли сказать, что ключ от аптечной мне дан на пользование, а не на ревизию. Я тоже поняла. А теперь скажите, зачем вы пришли на самом деле.

Она помолчала. В подвале пахло дымом и сеном, и где-то наверху скрипнула половица.

— Варден подписал вам разрешение на мост, — сказала она. — Я узнала у Марвена. Он сделал это на рассвете, не спросив совета.

— Письменное разрешение с печатью лежит у меня в комнате. Копия у стражи у моста. Если вы хотите оспорить его подпись, вам нужен совет и хранитель печати. Брат Ойрен не отменит документ без причины.

— Причина есть. Вы не выходили из замка неделю. Письмо не требуется для прогулки по двору. Оно требуется для поездки в Нижний город. Зачем вам Нижний город?

— За травами, — сказала я. — За теми, которые вы убрали из списка поставок Вересов, потому что они обходятся вдвое дешевле.

Она встала. Пальцы на поясе напряглись.

— Вы копаете, — сказала она тихо. — Я вам не запрещаю. Я вам не дам ключ от казны.

— Мне не нужен ключ от казны. Мне нужна подпись под закупкой трав от имени замка. Вы отказали вчера. Сегодня

я прошу письменно, с печатью совета, потому что без вашего согласия мой отчет гильдии пойдет как нарушение, и вы этим воспользуетесь.

— Я воспользуюсь, — сказала она. — Не запрещаю. Жду.

Она пошла к двери. У порога остановилась и не обернулась.

— Варден не приходил к вам сегодня?

— Утром он был в подвале с ожогом. Я его перевязала. Вы, наверное, уже знаете.

— Я знаю. Брэн слышал, как он кряхтел. У лордов кожа тонкая. Им нужно внимание.

Дверь закрылась. Я досчитала до двадцати, встала и пошла к полке. За банкой меда лежал ключ от аптечной на медном кольце. Я его не трогала. Он мне сегодня не понадобится. Понадобится завтра, когда Тори приведет беременную кухарку, и снова будет шум, и снова Инесса узнает первой. Я вернулась к столу.

Книга лежала передо мной. Я открыла страницу за июль и аккуратно, тонкой кистью, обвела красными чернилами запись о мяте. Поставила дату и подпись: «Т. Эр-Ларт, мастер целитель, проверка расхода». Это была не улика против дома. Это была отметка о том, что я видела. Дом не мог теперь сказать, что я не заглядывала в книгу.

Я спрятала кисть в футляр и завинтила крышку чернильницы. Красный след на странице подсыхал медленно, буквы расплывались в желтоватой бумаге. Палец мой, скользя-

ший по подписи, остался чистым. Хорошо. Мне не нужно, чтобы кто-то из дома тронул эту страницу и стер отметку.

За стеной загрохотала кухонная посуда. Кухарка командовала обедом. Сегодня общий стол, общий обед. Варден вернул себе привычку есть со всеми после возвращения Инеи, и теперь каждый полдень весь дом сидел в одном зале, от младших конюхов до старшего управляющего, а Инесса Соль сидела во главе на правах хозяйки. Я должна была сидеть через три места от мужа, рядом с Эльной, и смотреть, как Инесса передает ему соль.

Я вышла из подвала по черной лестнице, прижимая к боку тетрадь. В узком коридоре у выхода в кухонное крыло меня остановил Рос. Он стоял у стены, скрестив руки на кожаном переднике, и жевал репку.

— Леди, — сказал он тихо, — Брэн у входа в зал. Он вас ждет.

— Зачем?

— Чтобы записать, когда вы войдете. И во сколько выйдете. И сколько раз потянетесь за хлебом.

Я поправила передник, одернула серое платье и пошла к залу. У двустворчатой двери стоял Брэн, молодой стражник без шрама, с не обветренным еще лицом. При моем появлении он вытащил из-за пояса тетрадь и обмакнул перо.

— Леди Тавия Эр-Ларт, время — полдень с четвертью, — сказал он вслух.

— Брэн, — сказала я, — вы пишете в казенную тетрадь?

— В казенную, леди.

— Тогда пишите ровнее. Хранителю печати такая запись покажется смешной.

Он покраснел и промолчал. Я вошла.

Зал был полон. Длинный дубовый стол, тридцать два места, два ряда скамей, на стенах олени головы и старое зеркало, в котором отражался весь обед. За главным столом на возвышении сидел Варден Арт в темно-сером, волосы стянуты на затылке, на правой руке свежая белая повязка. Нить у меня на запястье потеплела и тут же остыла. Он поднял глаза, увидел меня и ничего не сказал. Рядом с ним по левую руку сидела Инесса Соль в платье цвета осенней воды. Напротив них Марвен Кай, прямой как свеча, с пером за ухом.

Я села на свое место рядом с Эльной. Ключница ела медленно и смотрела в тарелку. Тори сидела через два места и не поднимала головы. Рос занял место у двери, где обычно сидели конюхи, и снова жевал.

Суп подали горячий, с клецками и луком. Я взяла ложку. Инесса заговорила первой.

— Леди Тавия, — сказала она, и зал притих. — Я слышала, вы сегодня утром принимали мальчика-посудомойку. Как его рука?

Тридцать пар глаз. Эльна рядом со мной замерла.

— Заживает, — сказала я. — Через три дня сниму повязку.

— Хорошо. У нас в доме все должны быть здоровы. —

Она повернулась к Вардену. — Милый, ты ведь тоже переживаешь?

Варден посмотрел на меня. Нить на запястье стала горячей.

— Я переживаю за руки слуг, — сказала я, не дожидаясь его ответа. — Особенно за те руки, которые мешают и зажимают плохо. Если у кого-то в этом зале есть старый ожог, который гноился больше недели, подойдите ко мне после обеда. Я посмотрю бесплатно.

Тишина стала другой. Эльна медленно подняла голову. Марвен перестал жевать. Инесса положила ложку.

— У нас в доме лекарь дома — это лорд Варден и его аптекари, — сказала она ровно. — Другого лекаря совет не утверждал.

— Совет не утверждал. Но гильдия целителей утвердила меня три года назад. Мой жетон действует до конца сезона, и он не требует подтверждения совета, пока я не открываю лавку за пределами замка. — Я повернулась к Марвену. — Управляющий, подтвердите, что я права.

Марвен посмотрел на Вардена. Варден молчал. Нить жгла.

— Леди Тавия права, — сказал Марвен наконец. — Жетон гильдии действует без подтверждения совета.

— Спасибо, — сказала я. — Я продолжу.

Инесса улыбнулась. Улыбка у нее была маленькая, аккуратная, как у фарфоровой куклы.

— Как мило. В нашем доме теперь есть свой лекарь. Без

утверждения совета, без жалованья, без комнаты для приема. Только с жетоном и тетрадкой. — Она повернулась к Вардену. — Милый, ты ведь не будешь против, если она займет комнату под лечебный прием? Ту, что рядом с кухней? Там удобно.

Варден пошевелился. Белая повязка на его руке сползла, и я увидела край бинта.

— Займет, — сказал он. — И скамью, и стол. Марвен, выделите ей ключ от замка.

Марвен кивнул и записал что-то в свою тетрадь. Инесса посмотрела на меня, и я увидела в ее глазах то, что узнала еще вчера: она не запрещала. Она оформляла.

Я доела суп, положила ложку и промокнула губы салфеткой. Нить остыла. Эльна подвинулась ко мне и тихо сказала:

— Леди, за вторым блюдом придет Брэн. Он запишет, сколько раз вы взяли хлеба.

— Я знаю, — сказала я.

— Возьмите два куска. Пусть совет видит, что вы едите как все.

Я взяла два куска. Записали.

После обеда я вернулась в подвал, достала из-за банки меда ключ на медном кольце и поднялась по черной лестнице к комнате рядом с кухней. Замок был старый, с тугой скважиной. Я открыла его, вошла и остановилась.

Комната была узкая, с одним окном во двор, с каменным полом и очагом в углу. У стены стояла старая скамья без

спинки, на ней соломенный тюфяк, присыпанный золой. В углу ведро с водой и пустой горшок без ручки. На гвозде у двери висела грязная тряпка. Все.

Я положила ключ на подоконник, сняла передник и начала. Сначала вымела золу, потом вытерла пол мокрой тряпкой, потом перевернула тюфяк и выбила из него пыль над двором. Потом поставила скамью к окну, подвинула под нее горшок, повесила тряпку сушиться на гвоздь у очага. Ведро наполнила свежей водой из кухонного желоба. Вернулась к двери, достала из-за пояса тетрадь, положила на подоконник рядом с ключом.

Комната была готова. Не лечебница, не кабинет, угол с камнем, водой и светом. Достаточно, чтобы посадить больного, снять повязку, записать имя. Достаточно, чтобы Брэн записал у двери, что я работаю.

Я села на скамью и открыла тетрадь на чистой странице. Записала дату, имя мальчика-посудомойки, чем перевязала, что сказала ему на прощание. Под записью подвела черту и добавила: «Комната под прием открыта ключом на медном кольце. Брэн у двери. Марвен знает. Варден подписал. Инесса оформила. С этого дня прием».

Тетрадка пахла травами и клеем. Я закрыла ее и положила ладонь вверх. Где-то наверху скрипнула половица, тяжело, с ленцой. Я узнала шаг.

Дверь открылась без стука. Варден стоял на пороге, правая рука на перевязи, левая в кармане домашней куртки. От

него пахло Инессой, розовой водой и миндальным маслом. Нить на моем запястье стала горячей и не остыла.

— Здесь будет прием? — спросил он.

— Здесь будет стол, скамья и вода, — сказала я. — Больше мне пока не нужно.

Он вошел. Остановился у очага, посмотрел на мокрую тряпку, на пустой горшок, на чистый пол. Потом посмотрел на меня.

— Зачем вы обвели запись о мяте?

— Чтобы совет знал, что я видела.

— Вы не доверяете моему дому?

— Я доверяю своей тетради. Дому я пока не могу.

Он помолчал. Потом достал из кармана куртки сложенный вчетверо лист, положил на подоконник рядом с ключом и тетрадь. Я развернула. Это было письменное разрешение на переправу через мост для меня на шесть лун, с печатью рода Арт, драконья лапа с короной.

— Я подписал на рассвете, — сказал он. — Марвен передаст Брэну копию.

Я положила лист обратно на подоконник, не складывая.

— Зачем?

— Чтобы вы могли съездить в Нижний город за травами.

— Я не просила разрешения.

— Вы просили отдельную спальню, ключ от аптечной и допуск к записям. Я дал вам третье и четвертое. Разрешение пятое.

— Пятое право подписи закупок от имени замка, — сказала я. — Это не разрешение на мост.

Он посмотрел на меня. Нить жгла.

— Тогда это шестое, — сказал он тихо.

Я сложила разрешение, убрала в тетрадь между страниц с рецептами и закрыла. Он все еще стоял у очага.

— Варден, — сказала я, — когда вы в последний раз были у камня Первого Огня?

— На свадьбе, — сказал он.

— И камень загорелся?

— Загорелся.

— Сейчас он загорится?

Он не ответил. Повернулся и вышел, не закрыв двери. Я слышала его шаги по черной лестнице, тяжелые, медленные, как у больного. Нить на моем запястье остыла и перестала жечь, но не стала холодной. Я подождала, пока стихнет последний скрип, встала, подошла к двери и закрыла ее на ключ.

Замок щелкнул глухо, как кошелек с мелочью. Я вернулась к столу и открыла тетрадь на новой странице. Записала время, имя вошедшего, что принес, что сказал, что не ответил. Под записью подвела черту. Ниже добавила: «Шестое условие не разрешение на мост. Шестое условие подпись закупок. Варден знает. Инесса знает. Марвен запишет».

Тетрадка лежала передо мной, пахла травами и клеем. За стеной загрохотала кухонная посуда. Через два часа придет

Тори с беременной кухаркой, и снова будет шум, и снова Брэн запишет у двери, что я работаю. Я закрыла тетрадь, положила ладонь поверх и стала ждать.

Стукнула дверь черного хода. Легкие шаги Тори, племянницы кухарки, с узелком в руках и бледным лицом. За ней тяжелее шла сама кухарка, поддерживая живот обеими ладонями, и с каждым шагом ее лицо становилось серым.

— Леди, — сказала Тори. — Марте плохо.

Я подвинула скамью к очагу, накрыла чистой тряпкой, налила в горшок воды из ведра. Марта села, вытянула ноги, закрыла глаза. Под платьем я увидела то, что видела у рожениц: напряженную, каменную тяжесть.

— Когда последний раз шевелился? — спросила я.

— Утром, — сказала Тори. — Потом перестал.

Я положила ладонь на живот Марты. Кожа была сухой и горячей. Ребенок не отвечал. Я считала удары сердца через стенку, и сердце билось, медленно, через два моих, но билось.

— Тори, — сказала я, — банку меда из-за банки с мазью. И чистую тряпку. И соли.

Тори убежала. Я повернулась к Марте.

— Слушай меня, Марта. Сейчас будет больно. Сейчас будет страшно. Я знаю, что делать. Ты мне веришь?

Она открыла глаза и посмотрела на меня тем взглядом, которым слуги смотрят на хозяев, когда уже не ждут милости. Я не стала ждать ответа. Взяла ее руку, повернула ла-

донью вверх, посмотрела на линии. Нить на моем запястье не шевельнулась: Марта не была ни моей, ни его, ничьей по этой печати.

— Тори, — сказала я, когда та вернулась с медом и солью, — беги к Росу. Скажи ему: серая кобыла, третья сбруя, повозка к черному выходу. Сейчас. Не спрашивай зачем.

Тори убежала, и я услышала, как забухали ее башмаки по черной лестнице. Я обмакнула чистую тряпку в соленую воду, обтерла Марте лицо и шею, потом положила ей ладонь на поясницу и стала считать схватки. Через каждые семь вдохов. Регулярно, но редко. Это было хорошо. Время еще было.

— Марта, — сказала я, — ты мне скажешь правду. Когда последний раз ты была у травницы?

— Зимой, — сказала она. — У Эльны. Она дала отвар, но я его вылила.

— Почему?

— Потому что леди Инесса сказала, что Эльна травит слуг. Я испугалась.

Я ничего не сказала. Положила обе руки ей на живот и стала ждать следующую схватку. Когда та пришла, я нажала обеими ладонями вниз и почувствовала, как ребенок повернулся. Марта закричала сквозь зубы, и я увидела в дверях Тори, бледную, с руками, прижатыми к груди.

— Не стой, — сказала я. — Вода горячая. Сейчас будет принимать.

Тори принесла горшок. Я подставила его под Марту, и на тряпку пошла темная вода, и я увидела в ней то, чего боялась: зелень. Старый отвар Эльны, который Марта вылила, не ушел из нее. Он стоял, и ребенок сидел в нем, как в луже.

Я работала руками. Поворачивала, ждала, снова поворачивала. На третьей схватке Марта закричала в голос, и я увидела голову, синюю, в слизи, с пуповиной, обмотанной вокруг шеи. Я подцепила пуповину пальцем, ослабила, и ребенок скользнул мне в руки. Девочка. Маленькая, синяя, хрипло дышит.

Я обтерла ей рот, перерезала пуповину ножом из-за пояса, положила Марте на грудь. Марта плакала беззвучно, одной рукой держа ребенка, другой мою кисть. Я сжала ей пальцы и отпустила.

— Живая, — сказала я. — Хрипит. Будет жить.

Тори стояла в дверях, и по ее лицу я видела, что она считает: одна, две, три. Это считала и я. Это запишет Брэн.

Я встала, вымыла руки в ведре, сняла передник. Ребенок хрипел. Марта плакала. За дверью стоял Варден, я слышала его дыхание через щель, тяжелое, ровное, с тем присвистом, который бывает у мужчин, когда они сдерживают себя. Нить жгла. Я подошла к двери и закрыла ее на засов.

— Леди, — сказал он из-за двери.

— Потом, — сказала я.

— Кровь на рукаве.

— Не ваша, — сказала я. — И не моя. Я не впущу.

Он помолчал. Потом сказал:

— Ребенок?

— Живой. Девочка. Сейчас будет кричать.

Он не ответил. Шаги его ушли по черной лестнице, и я слышала их долго, пока они не стихли у дверей его кабинета. Нить на моем запястье остыла и перестала жечь, но не стала холодной.

Я вернулась к Марте. Ребенок закричал, тонко, жалобно. Тори заплакала. Я села рядом, положила ладонь на лоб Марты и сказала:

— Сейчас будет послед. Не бойся. Все хорошо.

Я ждала. За дверью слышались шаги Роса, скрип колес повозки, тихий голос Эльны. Я не открывала дверь. Я записывала в тетрадь имя, дату, время, что приняла, чем перевязывала, что сказала. Под записью подвела черту и добавила:

«Кухарка Марта. Девочка. Жива. Пуповина обмотана. Отвар Эльны зимний, вылит по слову Инессы. Рос с повозкой у черного хода. Эльна у двери. Варден слышал крик, стоял у двери, не впущен. Брэн запишет».

Скамья под Мартой скрипнула, и я подвинула ей под поясницу свернутое одеяло. Ребенок кричал уже в голос, сипло, обиженно, и я слышала, как за дверью Тори всхлипывает в голос. Я не стала утешать. Не было времени. Я взяла у Эльны чистую миску, облила кипятком из котла, слила, налила из ведра холодной воды, положила в нее чистую тряпку и отжала. Марта плакала беззвучно, глядя в потолок, и я

видела, как у нее под платьем снова поднимается живот.

— Послед, — сказала я. — Это скоро. Тужься, когда скажу.

Она кивнула. Я положила обе ладони ей на живот и считала. Через семь вдохов снова напряглось, и я нажала вниз, помогая. Марта охнула сквозь зубы.

— Хорошо, — сказала я. — Еще раз.

За дверью слышались тяжелые шаги, и я узнала Марвену по тому, как он ступал, не доходя до порога, чтобы слышать, но не показываться. Нить на моем запястье кольнула, коротко, предупреждающе. Не жжением, не правдой, а присутствием. Я подождала, пока шаги отступят, и снова нажала.

Послед вышел на третьей попытке. Темная тяжелая масса в миску, и я увидела в ней то, что записала: ни зелени, ни крови. Чисто. Я осмотрела Марту, промокнула тряпкой, перевернула ребенка на живот у нее на груди, чтобы откашлялся. Девочка чихнула, закричала громче и уже не сипела.

— Будет жить, — повторила я. — Пуповина перерезана чисто. Перевязала льняной ниткой, кипяченой.

Эльна вошла без стука. Посмотрела на ребенка, на Марту, на меня. Подошла, ощупала живот кухарки, кивнула мне, не словами, а тем коротким кивком, которым ключницы благодарят за работу, которую сами не доделали. Потом накинула на плечи Марты чистую шаль и сказала тихо:

— Я заберу в кухню через час. Сейчас она там отлежится.

Я кивнула. Марта смотрела на меня снизу вверх, и я впервые увидела в ее глазах не страх, а то, что видела у рожениц, когда все кончилось: тихое облегчение, похожее на долг. Я не стала его принимать.

— Марта, — сказала я. — Молчи о том, что было зимой. О том, что ты вылила отвар. Если спросят, скажи: я приняла, помогла, послед вышел чисто. Все.

Она кивнула. Я подумала и добавила:

— И скажи спасибо Росу. Он с повозкой стоял у черного хода. Серая кобыла, третья сбруя.

Марта попыталась встать, я придержала ей локоть. Эльна подставила плечо. Вдвоем мы подняли ее, и она пошла к двери, тяжело, мелкими шагами, прижимая к груди завернутую в шаль девочку. У порога Марта остановилась, обернулась. Я ждала. Она сказала:

— Леди, спасибо.

— Иди, — сказала я. — Благодарю не меня. Благодарю дочь.

Она вышла. Тори юркнула следом, прижимая к себе узелок. Эльна задержалась на пороге, посмотрела на меня, потом на пол, где осталась темная тряпка, потом на ведро.

— Я заберу, — сказала она. — И запишу в книгу.

Я кивнула. Она вышла, и в подвале стало тихо. Только вода капала с потолка в каменный лоток. Я сняла передник, закатала рукава, вымыла руки в ведре, дважды, с мылом, до локтя. Потом вытерла чистой тряпкой, той, что сама сшила,

и положила на край стола.

Я села за стол, открыла тетрадь. Записала: «Кухарка Марта. Девочка. Жива. Послед чист. Эльна подтвердила. Тори присутствовала. Марвен стоял за дверью, слышал крик, не вошел. Брэн запишет». Под записью подвела черту. Потом открыла вторую страницу, чистую, и написала:

«Право подписи в аптекарской книге отказано. Подмена стража у моста: молодой без шрама, люди Марвена. Письменное разрешение Вардена на переправу на руках, печать рода, шесть лун. Расписка прежней ключницы о поставке сухой мяты с печатью Вересов у Роса, под третьим камнем от кормушки».

Замок в двери щелкнул снова, и на этот раз я узнала шаг. Тяжелый, неровный, с той короткой задержкой перед порогом, которая выдавала остановку. Варден. Нить на запястье нагрелась, но не обожгла, тепло стало ровным, спокойным. Я закрыла тетрадь, положила ладонь сверху, прижала и стала ждать.

Он не постучал. Подождал. Потом сказал из-за двери, тихо, без привычного командного нажима:

— Я слышал крик.

— Ребенок кричал, — сказала я. — Сейчас уже не кричит.

— Я могу войти?

— Нет. Я не одета по дому.

Пауза. Я слышала, как он переступил с ноги на ногу. Потом сказал:

— Утром я подписал разрешение на мост. Марвен принесет.

— Знаю, — сказала я. — Я его видела.

— Тавия.

Я не ответила. Он помолчал. Потом сказал, и голос у него был тот, который я не любила больше всех, тихий, почти человеческий:

— Я не успел подписать право подписи.

Писец поднял перо. — Я знаю.

— Инесса сказала после совета.

Радан не перебил. — Я знаю.

— Я поговорю с ней.

— Не надо. Я поговорю сама.

Он снова замолчал. Я ждала. Нить грела ровно, без всплесков, и я впервые подумала, что это может быть хуже, чем когда она жгла: когда она говорит правду и когда соглашается. Я убрала ладонь с тетради, положила на стол. Поднялась, подошла к двери, но не открыла.

— Варден, — сказала я в щель. — Я приму у вас ожог. Когда вы придете за ним. Не раньше.

Он не ответил. Шаги его ушли, и я слышала их долго, пока они не стихли наверху. Нить на моем запястье остыла, и я впервые подумала, что она не обманывает. Он говорил правду. Каждый раз. Этого было мало. Этого было слишком много.

Я вернулась за стол, открыла тетрадь на чистой странице

и написала сверху:

«Четвертый пункт договора общий обед. Подписать или отказать». Подчеркнула дважды. Потом добавила пятый: «Право подписи закупок трав от имени замка». И шестой: «Разрешение на учеников, Тори и любых других». Положила перо, посмотрела на список. Три из шести. Достаточно, чтобы начать торг. Недостаточно, чтобы перестать считать.

В дверь постучали. Коротко, с паузой, как будто человек боялся, что его услышат. Тори. Я встала, подошла, приоткрыла.

— Леди, — сказала она, бледная до губ. — Вас к Эльне. Там книга.

Глава 5. Сломанная дверь

Засов на двери аптечной подался с третьего раза, и я стукнула ладонью по железу, чтобы он сел ровно. Зимний воздух тянул из щели снизу, пах сырым камнем и подгоревшей кашей. Я вытащила из-под передника расписку прежней ключницы, расправила на столе, прогладила пальцами складку и поднесла к свечке ровно настолько, чтобы разобрать дату и печать. Почерк Вересов, круглая печать с вороном, сухая мята вместо перечной. Закупка, которой в замке пользовались для слуг, а платили за нее как за перечную. Эту бумагу нельзя держать в аптечной и нельзя нести в свою комнату, где уже рылся Марвен. Я сложила расписку вчетверо, сунула в медный наперсток и спрятала за камень у стены, где прежняя ключница держала запасные ключи. Завтра Рос перепрячет под третий камень у кормушки. Там не ищут женщины с перьями и чистой совестью.

Шаги в коридоре я узнала раньше, чем увидела тень. Варден не стучал, никогда не стучал, но сегодня остановился у порога и постучал костяшкой о косяк, словно вспомнил, что в чужом доме так положено. Я успела отойти от стены, вытереть руки о передник и встретить его на середине аптечной, чтобы он не успел разглядеть, куда я нагнулась.

Он вошел, пригибаясь, и сразу стало тесно. От него пахло Инеей, дымом и железом, а на левой скуле, ближе к уху,

я заметила красную полосу свежего ожога. Плохо зажитая, сальная, кто-то пытался прижечь сам. Нить на моем запястье потеплела, но не обожгла, значит, в эту минуту он говорил правду или хотя бы не врал в глаза.

— Проверяю, не позоришь ли род, — сказал он, и голос у него был такой, будто он оправдывался заранее.

— Аптечная закрыта, господин, — ответила я ровно. — Инесса запретила пускать сюда посторонних без ее печати. Вы без печати.

— Я не посторонний.

— Вы муж, и потому первый посторонний.

Он усмехнулся, усмешка вышла не злой, а усталой. Я не люблю, когда он устает рядом, это сбивает мне злость, а без злости я плохо торгуюсь. Он поднял руку, будто хотел опереться о столешницу, и полоса ожога натянулась, из нее выступила сукровица.

— Это от чего? — спросила я, не делая шага.

— Свеча опрокинулась.

— Свечи у вас не опрокидываются, их роняют люди, которым вы не даете спать.

Он промолчал, и это молчание стоило ему больше, чем любое признание. Я подошла, взяла его за подбородок, повернула лицо к свету и ощупала край ожога. Кожа горячая, под ней уже стягивает, к утру пойдет корка, а через три дня трещина. Я достала с полки плошку с гусиным жиром, добавила туда щепотку порошка из коры, который сама молола

вчера, размешала кончиком ножа и показала ему плоску.

— Ляжете, — сказала я. — На лавку. Сейчас.

— Зачем?

— Затем, что к утру у вас половина лица пойдет волдырями, и совету будет не до проверок, им будет не до вас, и они впервые за неделю вспомнят, что я здесь не для того, чтобы рожать в подвале.

Он не двинулся, и я добавила тише:

— Я лечу ожог. Плата — разрешение работать в этой аптечной до конца недели без печати Инессы. Устное. Свидетели не нужны, мне достаточно, что нить на моей руке сейчас теплая, а не холодная.

Варден посмотрел на меня так, будто я впервые за эти дни сказала то, что он действительно хотел услышать, и это мне не понравилось. Он сел на лавку, я взяла чистую тряпицу, зачерпнула мазь и аккуратно наложила на ожог. Под пальцами кожа была горячей и незнакомой, я старалась не думать, что в последний раз я вот так же прижимала тряпицу к его виску, когда он вернулся с охоты с раной, а он тогда не двигался и не дышал.

— Вы сегодня не ели, — сказала я, не отрываясь от работы.

— Вы тоже.

— Я занята.

— Я тоже занят.

Мы помолчали, и в этом молчании было больше правды,

чем во всех его клятвах. Я сняла тряпицу, посмотрела на рану, добавила мази, наложила свежую повязку и завязала узел у него под ухом.

— Завтра снимите, промоете теплой водой, снова мазь. Через три дня покажетесь мне, и если я скажу, что заживает, вы подпишете мне бумагу о праве работать в аптечной без печати Инессы. До конца недели.

Он встал, навис надо мной, и я почувствовала, что нить на запястье снова стала теплой. Я отступила на шаг, потому что мне не нужно было, чтобы он сейчас стоял так близко и пах так, будто он мой.

— Я подпишу, — сказал он тихо, и это было не обещание, а сдача.

Он вышел, а я закрыла за ним засов и долго смотрела на собственные пальцы, которые пахли гусиным жиром и его кожей.

Первый пациент постучал в подвал еще до рассвета, пока я не успела убрать со стола следы вчерашнего. На пороге стоял мальчик-посудомойка лет двенадцати, в рваной рубахе, с левой кистью, обмотанной мокрой тряпкой. Тряпка пахла прогорклым жиром и железом, на досках пола оставались мелкие розовые капли, которые он старательно затирал босой пяткой.

— Котел, — сказал он, не глядя мне в лицо. — Масло кипело, я придержал рукой крышку, крышка вывернулась.

Я размотала тряпку. Кожа на тыльной стороне ладони сня-

лась чулком, под ней было розовое сырое мясо, кое-где уже пошла сероватая пленка. Не гной еще, но к полудню будет гной, если промыть как обычно уксусом. Я посадила его на лавку, налила в миску теплой воды из кувшина, добавила туда щепотку соли из мешка, что стоял у стены под замком ключницы, и стала промывать. Мальчик шипел сквозь зубы и не плакал, только смотрел, как я работаю, будто запоминал.

Это меня почти рассмешило. Почти.

— Звать как? — спросила я.

— Тори меня кличут, — ответил он и тут же поправился: — Я Тори, тетя послала, она сама не может, у нее младший на руках.

Тори. Племянница кухарки. Я помнила ее по вчерашнему дню, гноящийся ожог предплечья, испуганные глаза, быстрый лепет. Сейчас передо мной сидел мальчик ее возраста, никакого родства, просто мальчик из кухонной прислуги, которого тоже звали Тори, потому что в доме Артов всех маленьких кухонных звали коротко и одинаково. Я промолчала, аккуратно срезала ножницами края обожженной кожи, положила на рану чистую тряпицу, смоченную в отваре коры, и перевязала тонкой полоской льна.

— Через два дня придешь, — сказала я. — Если начнет тянуть и бить в висок, придешь раньше. Жар тоже придешь. Уксусом больше не прижигать, уксус для бочек, а не для мяса.

Он кивнул, сунул руку под рубаху и убежал, оставив на

лавке мокрый отпечаток ладони. Я сняла тряпицу с камня, где она лежала со вчерашнего вечера, кинула в воду, вытерла стол и села писать в тетрадь. Пациент, прием, что использовала, чем платит. Платить ему нечем, это я уже знала.

За стеной загрохотало. Стража, видимо, решила, что подвальная приемная нуждается в утреннем обходе, и для убедительности прошлась по доскам сапогами. Я замерла, прислушалась. Шаги удалились, но в замочной скважине что-то звякнуло, словно кто-то проверял, заперто ли. Я подошла к двери, приложила ухо к холодному железу. За дверью было тихо, только пахло сырым камнем и чужим одеколоном, не Варденом, не Росом.

Это был тот новый стражник у моста, без шрама, из людей Марвена. Я узнала запах, потому что вчера возле Инессы проходил именно такой. Его послали проверить, не вышла ли я из аптечной ночью, не вынесла ли расписку или записи. Засов у двери держался, но замок ключницы был привешен к петле рядом с моим, и если у Марвена есть второй ключ, он мог войти и уйти, а я бы узнала только по сдвинутой крышке на камне.

Я сняла замок, осмотрела. Царапин свежих не было, но и уверенности у меня не было. Я вернулась к камню, нащупала пальцами наперсток, вытащила свернутую расписку, спрятала за пазуху, ближе к телу. Если обыщут, найдут, но для обыска нужен приказ и печать, а Инесса еще не подписала ни одного документа, который позволил бы снять с меня платье.

Это была единственная моя защита, и я цеплялась за нее.

Снизу, из-под двери, потянуло холодом. Я засучила рукав, посмотрела на нить. Нить лежала ровно, цвет темно-алый, не теплая и не холодная, вчерашнего разговора хватило ровно на одну ночь. Это означало, что Варден либо спал, либо не думал обо мне в эту минуту, либо думал так, что нить не считала это за правду. Последнее было обиднее всего, но я давно научилась не путать нить с собой.

Я вернулась к столу, открыла тетрадь, дописала запись о мальчике Тори и поставила точку. Под точкой осталось место для цены. Цены не было, была только мокрая тряпка на полу и серый свет, который проникал в подвал через узкое окошко над столом.

Тогда я услышала, как где-то наверху хлопнула дверь, и по лестнице спустился Рос. Он вошел без стука, потому что Рос никогда не стучал, он просто приходил, как ходит лошадь, которую не спрашивают.

— Третий камень, — сказал он коротко. — Я накрыл соломой.

— Хорошо, — ответила я. — Перепрячешь после обеда, я принесу.

Он кивнул и ушел, а я села на лавку, на которой час назад сидел обожженный мальчик, и положила ладонь на то место, где у Вардена вчера была скула. Место было уже холодным. Это меня не обрадовало и не огорчило. Я знала, что к концу недели мне нужна его подпись, и я ее получу, потому что

цена, которую я назначила, была ему по карману и не по совести.

Первый пациент после мальчика пришел, когда я уже убрала мокрую тряпку и перевернула страницу в тетради. Женщина лет тридцати, в застиранном сером платье, с рукой, перевязанной грязной лентой. Лента пахла квашеной капустой и медной монетой, я отметила это раньше, чем увидела лицо. Под лентой оказался порез, рваный, старый, с краснотой вокруг, но без гноя. Кто-то уже промывал, видно было по чистым краям, просто не до конца.

— Кто промывал? — спросила я.

— Сестра, — ответила она. — Она знает.

Это означало, что в замке есть еще одна женщина, которая умеет обращаться с раной. Я записала имя: сестра. Потом подумала и стерла. Не мое дело. Промыла заново, наложила чистую повязку, дала ей с собой горсть сухой коры в тряпице и велела заваривать утром и вечером, пока краснота не уйдет. Женщина положила на стол монету, мелкую, медную, с дыркой посередине. Я накрыла монету ладонью и качнула головой.

— Не беру, — сказала я. — Первый раз.

Она посмотрела на меня так, будто я сказала что-то странное, сунула деньги обратно за пояс и ушла, а я села и выписала себе в тетрадь отдельной строкой: «Не брать. Первые три дня». Это было условие, которое я поставила себе сама, потому что если я начну брать сейчас, Марвен запишет ме-

ня в торговки без жетона, а у меня жетон временный, на экстренную практику, и торговать я им не имею права.

К полудню в подвале стало тесно. Пришла кухарка с младшим на руках, ребенок хрипел и весь был покрыть красной сыпью, я осмотрела и сказала, что это от новой каши, что варили на пробу, и посоветовала вернуться к старой. Кухарка кивнула и не заплакала, и я поняла, что она уже знала. Потом пришел мужчина в кожаном фартуке, молчаливый, с трещиной на пятке, которая гноилась. Я промыла, заложила мазью из гусяного жира, забинтовала, он молча положил на стол серебряную монету. Я подумала и взяла. Это была плата за мазь, не за работу, и серебро я могла принять.

Он ушел, а я услышала шаги на лестнице. Не стража, не Рос. Шаги были тяжелые, мужские, и пахло дымом и железом. Я встала из-за стола, потому что дверь открылась без стука, и это мог быть только один человек, который входил без стука в любое помещение замка.

Варден Арт стоял в дверях подвала, и я сразу увидела, что с ним что-то не так. Левая рука, та, которой он вчера придерживал скулу, была спрятана под полу плаща, и он держал ее неестественно прямо. Лицо было спокойным, но я научилась читать его спокойствие, как читают плохой почерк.

— Я на минуту, — сказал он.

— Вы на минуту уже вчера были, — ответила я.

Он не улыбнулся. Медленно вытащил руку из-под плаща, и я увидела, что ладонь и пальцы обожжены, красные, с лоп-

нувшими пузырями. Он подержал руку на свету, чтобы я увидела, и это был жест человека, который привык показывать рану как довод.

— Кузнец, — сказал он коротко. — Молодая лошадь.

Я посмотрела на его лицо, потом на руку, потом на его лицо снова. Нить на моем запястье не потеплела, и это было странно, потому что он пришел ко мне за помощью и это была правда. Но нить молчала, и я поняла, что для нити это не считалось за чувство. Это считалось за расчет.

— Сядьте, — сказала я и указала на лавку, где час назад сидел мальчик.

Он сел, и я впервые оказалась к нему так близко при ярком дневном свете. Я видела каждую морщинку у рта, каждый седой волос в брови, и запах его кожи смешивался с запахом гари и конюшни. Это был запах мужчины, который сам работает, и я ненавидела себя за то, что мне это нравится больше, чем вчерашний запах Инеи.

Я взяла его руку, повернула ладонью вверх. Кожа на пальцах снялась тонкими полосками, под ней было розовое мясо, и я знала, что через час он не сможет сжать кулак, а через два дня у него начнется жар, если не промыть и не наложить мазь.

— Это плата? — спросил он тихо.

— Это условие, — ответила я. — Я промою, наложу мазь, и вы подпишете мне бумагу о праве работать в аптечной без печати Инессы.

Он смотрел на меня, и я видела, как он прикидывает цену. Потом сказал:

— Подпишу.

Я промыла его руку теплой водой с солью, как мальчика, и он не шипел, только смотрел, как я работаю. Я положила мазь, перевязала чистой льняной полоской, закрепила узлом. Его пальцы под моими были горячими, и нить наконец дрогнула, но не потеплела, а наоборот, стала холоднее, как будто считала каждое мое прикосновение как долг.

Я отпустила его руку, вытерла свои о полотенце и сказала:

— Я подпишу, — сказал он тихо, и это было не обещание, а сдача.

Засов лязгнул, и я еще секунду держала ладонь на железе, чтобы убедиться, что пальцы не дрожат. Дрожали. Я вытерла их о передник, потом о полотенце, потом просто сжала в кулак, чтобы спрятать. Это была не горячка и не страх, это была злость на собственные руки, которые только что держали его ладонь так бережно, будто это была не его кожа со снятыми полосками, а что-то мое.

Я села за стол, открыла тетрадь и записала короткой строкой: «В. Арт, ожог левой кисти, кузня, лошадь. Промыто соленой водой, мазь гусиная с ноготками, повязка. Следующий осмотр через три дня». Под строкой добавила: «Бумага о праве работы — до конца недели». Условие было записано, и это означало, что я имела право напомнить ему о нем при Марвене, при Эльне, при ком угодно.

В подвале пахло мазью, нагретой жаровней, и медными монетами, которые приносили люди. Я пересчитала: одна серебряная, лежала отдельно, за мазь, не за работу. Это была первая настоящая оплата за сегодня, и я чувствовала себя так, будто мне заплатили за то, чего я еще не сделала.

Ступени скрипнули, и я подняла голову, потому что шаги были женские, легкие, и пахло хлебом и луком. В дверях стояла Эльна с корзиной, накрытой полотенцем, и вид у нее был такой, будто она несла не хлеб, а приказ.

— Госпожа велела передать, — сказала она и поставила корзину на край стола, не разворачивая. — До заката никого не принимать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.